

Мне нравится все, что пишет Элис!
Джоджо Мойес

ЭЛИС ПЕТЕРСОН

СПУСТЯ ДЕСЯТЬ СЧАСТЛИВЫХ ЛЕТ

«ЭТО ПРОНЗИТЕЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ,
ПЕЧАЛИ И ПРОЩЕНИИ.
УДИВИТЕЛЬНО
ТРОГАТЕЛЬНАЯ КНИГА»
CLOSER MAGAZINE

**ВСЕ
БУДЕТ
ХОРОШО!**

Annotation

Ребекка работает в престижной лондонской художественной галерее и счастлива в браке с Олли. Но когда с мужем случается трагедия, она решает вернуться в родной городок, где, надеется, время поможет залечить раны.

Джо – завидный холостяк и успешный владелец винного бара «Мезо Джо» – не дает покоя местным красоткам, разбивая женские сердца.

Ребекка, Олли и Джо – в прошлом лучшие друзья. Но их жизни навсегда изменил один пьяный вечер десять лет назад. Что стало причиной ссоры? Какую тайну они хранили все эти годы?

Элис Петерсон

Спустя десять счастливых лет

Роберту Кроссу (1925—2011)

Его голос до сих пор побуждает меня творить.

© Гусакова К., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Канун Нового года Винчестер

– Десять, девять, восемь!.. – громко считаем мы в гостиной Китти, моей подруги еще со школьных времен. – Три, два, один-и-ин!..

Из телевизора доносится звон Биг-Бена.

– Люблю тебя, Бекка! – Олли подхватывает меня на руки.

– И я тебя! – счастливо отвечаю я.

Вместо телевизора включают музыку. В гостиной начинаются танцы. Все поют. Где-то взлетают к небу фейерверки. Замечаю, как с другого конца комнаты за мной и Олли наблюдает Джо, и зову его к нам. Он улыбается, но его тут же утягивает прочь восторженная подруга Китти.

На часах уже три, когда Олли, Джо и я, пошатываясь, возвращаемся в дом моих родителей. Мы срезаем дорогу через заливные луга. Гладь реки блестит в свете луны. Я распеваю «*Happy New Year*», а Олли зажимает мне рот ладонью, говоря, что нас арестуют.

– А вдруг это будет весело? – отпихиваю его я. – Джо, скажи, с кем это ты провел весь вечер?

Олли за руку оттаскивает меня от края берега.

– Ага, я тоже заметил. Отхватил себе милашку, Лоусон.

– Как ее зовут? Или не помнишь? – Я икаю.

– Ее зовут Джульетта.

Олли поворачивается к Джо.

– Так почему ты не с ней, Ромео?

Китти уговаривала остаться у нее на ночь, но у нас с Олли были другие планы: мои родители уехали, а сестра, Пиппа, ушла, поэтому дом оказался в нашем полном распоряжении.

– Ромео, Ромео... – Я неуклюже пытаюсь изобразить сцену на балконе.

– Не захотел, – пожимает плечами Джо. – Хотя номерок все же взял.

– Ромео, где ты?..

– Бекка, заткнись. – сердится Джо.

– Где же ты, Ромео? – заканчиваю я, прокручиваясь вокруг фонарного столба.

– Господи, ну и зараза, – смеется Олли.

– Давай сделаем вид, что мы ее не знаем, – предлагает Джо.

Попав наконец-то домой, мы решаем еще немного посидеть: покурить и выпить чего-нибудь под шоколадное печенье. Мы втроем теснимся на скамейке в вымощенной камнем части родительского сада. Я сижу посередине.

– За нас, – говорит Олли, когда мы поднимаем бокалы.

– За нас, – повторяем мы с Джо.

Олли, Джо и я живем в одной квартире в районе Бристоля под названием Клифтон. Учимся в университете, на втором курсе. Джо пошел в медицину, а наша с Олли специализация – английский. Встречаемся мы, кстати, уже почти год. По-настоящему я

обратила внимание на Олли только во время второго семестра, после концерта его группы «Стэнли» в баре студенческого профсоюза. Олли играл на клавишных. Высокий, стройный, в мешковатых джинсах и темно-синей кофте, которая почему-то смотрелась на нем очень даже круто. Светло-каштановые волосы ниспадали мягкими прядями на лоб. Играя, Олли поворачивался к ослепительно-рыжей вокалистке в коротеньком черном платье и ажурных колготках, временами улыбаясь ей с хитринкой в глазах. И мне вдруг захотелось оказаться на ее месте. Я должна была привлечь его внимание, поэтому решила действовать. На следующий день перед семинаром по английскому я вымыла и уложила длинные густые волосы, нанесла на лицо тональный крем, основу, румяна, подкрасила ресницы тушью... надела замшевую мини-юбку, бюстгальтер от «Вондербра», кофточку с глубоким вырезом и ковбойские сапоги. Люблю их – каждый раз выручают. Конечно же, из-за столь тщательных приготовлений я не уследила за временем – влетела в полную аудиторию вместе с еще одним опоздавшим и увидела свободное место... как раз рядом с Олли. Это была сама судьба! Рванув к парте, я швырнула на нее книги и уселась...

– Скоро обратно в Бристоль, – неуверенно произносит Джо.

– Ой, давайте не будем сейчас об этом, – отзываюсь я. – Работа. Тьфу. – Я делаю глоток воды.

– Ты не работаешь, – как всегда, прохладно и четко замечает Джо. Пьяным он выглядит редко.

– Работаю, – упорствую я.

– Ну, не очень-то и много, – поддерживает его Олли.

Они надо мной смеются, но я пропускаю подколки мимо ушей.

– Что было самое лучшее в прошлом году? – пихаю я Олли в плечо. – Ты первый.

– Несколько выступлений, отношения с тобой.

– Ах, – вздыхаю я и целую его. – У меня тоже.

– Господи, – Джо тушит недокуренную сигарету, – пойду-ка я, пожалуй.

Он тоже живет в Винчестере, правда, ни я, ни Олли на рождественских каникулах так и не побывали у него дома. Джо говорит, что там уютно, как в кабинете у зубного.

– Прости, Джо, мы больше не будем, – обещает Олли, усаживая его обратно на скамейку. – Оставайся с ночевкой.

– А ты что скажешь, Джо? Что самое классное произошло у тебя в прошлом году? – спрашиваю я.

Он пробегает пальцами по густым темным волосам.

– Встреча с Олли.

– Хороший был вечерок, – улыбается тот.

Олли познакомился с Джо в начале второго курса.

– Переезд в вашу квартиру, – продолжает Джо. Он искал жилье, а у нас была свободная комната. – Осознание, что я познакомился с мировым парнем.

– Я, пожалуй, оставлю вас наедине, а то чувствую себя лишней.

– И с мировой девчонкой, – тут же добавляет Джо.

– Обнимашки? – предлагаю я, обхватывая их обоих руками.

Некоторое время мы так и сидим, счастливо глядя на звезды.

– Как думаете, что с нами будет через десять лет? – наконец нарушаю тишину я.

– Через десять лет? – переспрашивает Олли, будто это так нескоро, что даже вообразить сложно.

– Время пролетит незаметно, точно вам говорю. Опомниться не успеем, как нам по пятьдесят стукнет! – Я восклицаю так, словно это уже пора вставных челюстей и немощи.

– Не могу представить, себя в возрасте пятидесяти, – качает головой Джо.

– Хм, через десять лет... – задумывается Олли. – Ну, буду жить в лондонской лачуге с видом на реку, стану известным писателем. А может, новым Миком Джаггером или Бобом Диланом...

– Будешь ширяться и громить номера в отелях, – весело добавляет Джо.

– А я буду далеко-далеко, – предсказываю я, вспоминая, как еще полненькой малышкой с косичками все каникулы напролет рисовала, сидя на верхнем этаже родительского дома. – Хочу путешествовать по миру, побывать в Индии, Китае, Мексике...

– О-о, все, мы ее потеряли, – закатывает глаза Олли.

– Перееду во Флоренцию или Венецию, буду говорить на *итальяно*, – изображаю итальянский акцент. – Выучу сотню языков и нарисую кучу картин, которые продадут за миллионы! А ты, Джо? – легонько пихаю его локтем.

Мы с Олли ждем. Джо может заняться чем угодно. Как и моя сестра, он талантливый спортсмен – отлично играет в регби, и мышцы у него что надо. Эдакий брутальный красавчик. Темные волосы, щетина, меланхоличные серые глаза. Женщины от него с ума сходят, ведь понятия не имеют, что он о них думает. В один момент ты будешь чувствовать себя единственной, а в следующий миг станешь для него ничем и никем. Господи, не хотела бы я в него влюбиться, это точно. Иначе есть бы перестала, размышляю я, уплетая печенюшку. За время нашего недолгого знакомства он уже успел разбить несколько сердец. Например, сегодняшняя Джульетта. Бедняжка целый день просидит у телефона, ожидая звонка.

– Джо, десять лет. Чем будешь тогда заниматься? – повторяю я свой вопрос.

– Править миром, – смеется Джо и закуривает новую сигарету. – Мне не нравится этот вопрос, Бекка.

– Ты просто зануда.

Олли в конце концов соглашается с Джо.

– Сами посудите, – поддерживает друга Олли. – Никто не знает, что будет завтра, а тут десять лет!..

Десять лет спустя

– Его душа навсегда останется с нами, – со слезами на глазах произносит Китти и возвращается к своему месту.

Я сижу между матерью Олли, Кэролин, и моим отцом. Смотрю вперед невидящим взглядом. Этого не может быть. Хочется вскочить и заорать всем, родственникам и друзьям, чтобы уходили. Что произошла ужасная ошибка.

– *Миссис Салливан?* – обратился ко мне полицейский, появившийся на нашем пороге в тот злополучный вечер. Было поздно, около восьми, и я гадала, где же Олли, который обещал вернуться домой к половине седьмого. «Прихватчу бутылочку вина по пути», – говорил он в сообщении на голосовой почте.

– *Позволите?..* – спросил полицейский. – *Ваш муж попал в автокатастрофу. Соболезную.*

Кэролин касается моей руки – пора встать для очередного псалма, «Господи, отец человечества». Мать Олли кажется очень хрупкой. Тонкие каштановые волосы зачесаны назад, в голубых глазах стоят слезы. Кожа – белая как мел. На середине строфы Кэролин хватает мою ладонь, словно в знак того, что вместе мы справимся. Но мне все еще кажется, что вот сейчас я проснусь и почувствую лишь то, что меня обнимает Олли. Расскажу, насколько яркий мне приснился сон, как в церкви было не протолкнуться – столько собралось друзей и родственников. Каким грустным выглядел его отец, Виктор, в костюме и очках. Он будто стал меньше ростом, поседел и скрючился от скорби, а в глазах застыло глубочайшее сожаление – он уже никогда не сможет узнать собственного сына поближе. Вот чем он заплатил за то, что выбрал работу, а не семью.

– *Описала так, будто это все правда, аж жуть,* – скажет Олли.

Мы посмеемся, а потом начнем целоваться и проваливаемся в постели еще часик. Затем погуляем в парке, не спеша пообедаем, и я в жизни больше ничего не стану принимать как должное.

В реальность меня возвращает звук шагов по каменному полу. Саймон, старший брат Олли, выходит вперед, сжимая записи. Он крупнее Олли, и волосы у него темнее. Саймон оставил службу в полиции и переехал с женой и двумя детьми в Нортумберленд, поближе к Кэролин и Виктору. – *Он всегда очень деятельный и любит командовать,* – рассказывал Олли.

Мне нравится Саймон. Он храбрый. Я бы не смогла сегодня вот так стоять перед всеми.

– Олли был у нас в семье музыкально одаренным, – начинает Саймон. – Играл на пианино с шести лет. Пока я развлекался войнушками и строил шалаши в саду, Олли учил Шопена и сочинял музыку... Другой его страстью было писательство.

Закрываю глаза и пытаюсь слушать речь, но раз за разом меня терзают воспоминания об утра, когда Олли еще был жив.

– *Сюрприз!* – воскликнула я, когда Олли взял рогалик со словами: «Вот это да!» Мы редко завтракали вместе перед работой, я всегда спешила.

– *Кстати, там штука с занавеской для ванной отвалилась, починю потом,* – сказал он.

– *Правда? Ну и ладно,* – отмахнулась я, наливая кофе.

– Бекка? Не вину ли ты там прячешь? Ты что, замутила с Глитцем? — поинтересовался Олли.

Патрик ван Глитцен, или Глитц, как я его называю, — мой шестидесятипятилетний начальник. Когда ему было уже глубоко за пятьдесят, он открыл галерею современного британского искусства на Нью-Бонд-стрит. Теперь эта галерея считается одной из самых успешных в стране.

– *Черт, неужели так заметно?* — Я наклонилась и поцеловала Олли. — *У меня отличные новости.*

– *Нам не придется ехать на выходных к твоим родителям?*

– *Хитрец. Ты же знаешь про Нормана Грэхэма?*

– *Он вроде рисует разноцветные квадраты.*

– *Которые продают за тысячи фунтов. Вчера я продала серию из шести. Шести, Олли!*

– *Классно. То есть тебе перепали приличные комиссионные?*

– *Ага, только это не все. Глитц пересмотрит мою зарплату и выдаст небольшую премию в конце лета!*

– *Потрясающе,* — улыбнулся Олли.

– *Так вот, я подумала...*

– *Ой-е, запахло жареным.* — Он подлил себе еще кофе.

– *Я подумала, что пора бы нам переехать отсюда...*

– *Не начинай опять, а?*

– *Олли! Это нечестно!*

– *Просто ты твердишь одно и то же.*

– *А мне надоело жить в каморке!*

– *Знаю,* — отозвался он с уязвленным самолюбием в голосе. Олли всегда было неудобно говорить о деньгах. Ему казалось, что именно он должен зарабатывать больше, однако преподавание музыки и написание романа в надежде, что его издадут, в жизни не помогло бы нам перебраться в лучший дом. Поэтому я бросила иллюстрировать на дому и пошла на работу к Глитцу. Олли винил себя, что мне, а не ему, пришлось отставить в сторону свои мечты. Я с самого детства страстно любила рисовать и изучала искусствоведение во Флоренции. Олли все обещал загладить вину. Что закончит рукопись и заключит договор с издательством.

– *По свидетельству очевидцев,* — сообщил тогда полицейский, — *ваш муж вылетел из-за угла...*

– *Нет,* — пораженно отозвалась я. — *Он не мог! Олли всегда осторожен, он обещал быть осторожным...*

Полицейский вежливо кивнул, но все равно продолжил:

– *Он не видел встречную машину до последнего момента. Водитель ничего не сумел бы сделать.*

– Олли притягивал людей, — голос Саймона дрожит, — неотразимым задором и очарованием.

Я касаюсь фотографии на обратной стороне программки, где Олли улыбается и смотрит с теплом. Снимок сделали в тот вечер, когда мы въехали в нашу однокомнатную квартирку. Четыре года назад это казалось важным и взрослым событием. Мы заказали еды и распили у камина дешевое шампанское...

– Несложно понять, почему здесь собралось столько его друзей. — Саймон обводит рукой

полную церковь.

Но я знаю, кого здесь нет. Джо Лоусона. Он должен быть тут. Джо был лучшим другом Олли. Мы всегда тусовались втроем.

А потом я все испортила.

– Оливер был добрым, – говорит мне десятилетний Барнаби, сжимая руку матери. Олли давал частные уроки фортепиано, и мальчик был одним из его лучших учеников.

Китти вместо меня благодарит Барнаби за прекрасно сыгранного Шопена: Олли гордился бы им.

Иду к выходу мимо людей, которые пьют чай и поедают пироги. Меня догоняет мама, одетая в простой серый наряд.

– Вот ты где, милая.

К нам подходит Пиппа. Она держит на руках одного из своих двойняшек, Оскара. Ему три года, рот перемазан шоколадом. Пиппа не знает, что сказать. Мама тоже. Никто не знает. Откуда им?.. Я вымучиваю улыбку.

– Хочу подышать свежим воздухом. Вернусь через минутку.

Уходя, я чувствую на себе их беспомощные взгляды.

Снаружи я прислоняюсь к стене и делаю глубокий вдох. Перед глазами вновь возникает полицейский, замерший возле нашего камина. *«Он не видел встречную машину до последнего момента... слишком поздно...»* Почему Олли поступил так безрассудно? О чем думал? Я злюсь, а в те моменты, когда злость уходит, мне становится настолько грустно, что кажется, если я упаду, то непременно разобьюсь на тысячу крошечных осколков. С каждым ударом сердца я все сильнее желаю отмотать время назад, вернуться в тот день. Может, если бы я подождала до вечера с разговором о переезде, Олли остался бы жив.

– *Давай снимем квартиру поближе к центру.* – Я показала ему два предложения, которые обвела в брошюрке прошлым вечером, пока Олли играл в покер с друзьями. – *Думаю, зарабатываем мы достаточно, плюс используем сбережения, так что выйдет как раз.*

Олли глянул на квартиры, но промолчал и надел куртку.

– *Что скажешь?* – настаивала я, пытаюсь скрыть досаду. – *Обе недалеко от реки, да и твоя работа там близко.*

Олли работал в музыкальном отделении школы района Чизик.

– *И мы сможем лишних полчаса валяться в постели.* – Мой последний аргумент, чтобы добиться хоть какого-то согласия.

– *Потом поговорим.*

– *Все хорошо?* – уже с тревогой поинтересовалась я.

– *Да. Слушай, мне пора.* – Олли подхватил с дивана мотоциклетный шлем. Заметив мое разочарование, он подошел и прижался своим лбом к моему. – *Я устал. И с похмелья. Сам виноват, конечно.*

Я погладила его по затылку.

– *Ты точно хочешь переехать, да?*

– *Больше всего на свете.* – Он смахнул крошку с уголка моего рта и поцеловал меня. – *Я очень тобой горжусь.*

Я вытираю глаза рукавом кофты.

– А я тебя ищу, – подходит Китти.

– Он что-то от меня скрывал.

Олли оставил мне сообщение тем утром, пока я была на совещании: «Слушай, нам надо поговорить».

– Бекка, прекрати, – просит Китти, прислоняясь к стене рядом.

– Что прекрати?

– Снова и снова вспоминать. Никому от этого не легче, а тебе уж тем более.

– Но он сказал, что нам нужно поговорить.

– Это не значит, что он что-то скрывал, – пытается успокоить меня подруга.

– Он был расстроен, взволнован. – Я кусаю ноготь.

– Бекка, давай не сегодня, не сейчас. – Китти обнимает меня за плечи. – Пойдем внутрь.

Твой отец хочет сказать пару слов.

– А может, мне поговорить с Кэролин? Вдруг Олли с ней поделился...

– Нет! Хватит над собой издеваться. Просто забудь, – умоляет Китти.

– Не могу!

Китти встряхивает меня и заглядывает в глаза.

– Олли настолько тебя любил, что никогда бы не стал ничего скрывать, ты ведь знаешь.

Слезы вот-вот сорвутся.

– Знаю? Я уже ничего не знаю...

«Все случилось быстро, – как наяву слышу голос полицейского, который пытался меня утешить. – Ему не было больно».

Хочется кричать. Хочется умереть.

Китти прижимает меня к себе.

– Я не могу без него жить, не могу, – рыдаю я. – Ох, Китти, что же мне делать?

– Тш-ш. Я здесь, я с тобой. Мы справимся, Бекка, обещаю. Справимся вместе.

– Вот и все, к завтрашнему дню мы готовы. – Я окидываю галерею взглядом.

На стенах висят абстрактные лондонские пейзажи кисти Пола Ламонта, со свеженькими белыми ценниками, которые только и ждут красных наклеек «продано».

Наблюдаю, как Глитц ослабляет галстук и, выскользнув из туфель, вытягивает ноги под столом. Я, выжатая как лимон, сижу напротив. Внешность у Глитца незаурядная. Серебристые волосы, продолговатое лицо, крупный нос и пронизательные голубые глаза, что даже иголку в стоге сена заметят. Если бы Глитц не работал в сфере современного искусства, то стал бы классным детективом. Так и вижу его в стильном пальто и при бинокле.

– Отличная работа, Ребекка. Рамы хорошо смотрятся.

– У вас дырка в носке, – улыбаюсь я, глядя на торчащий большой палец.

Глитц тоже смотрит на свои ноги.

– Вот как.

Я поигрываю ручкой.

– Не думала, что вы из тех, кто носит дырявые носки.

Он отвечает не сразу.

– Жизнь полна неожиданностей. – Глитц задерживает взгляд на мне, и я отворачиваюсь, заранее зная страшный вопрос. – Как ты?

– В порядке. Мне кажется или здесь жарко?

– Честно в порядке или ты под столом пальцы скрестила?

Я показываю руки – никаких скрещенных пальцев. После похорон Олли, шесть недель назад, Глитц решил дать мне отдохнуть от работы, но я не могла вынести и мысли о том, что останусь одна в нашей квартире. Я так и не починила штангу для душа.

– Видите? Честно, – притворяюсь я.

– Тогда как насчет пойти выпить?

За последние три года мы с Глитцем стали хорошими друзьями и временами ходим в бар или ресторанчик после работы.

– Господи! – восклицаю, вчитываясь в записку, которую забыла передать ему днем. – Звонила Марти! У вас сегодня вечеринка... Том... – пытаюсь разобрать собственный почерк. – Том Бейли?

– Вот черт!

Марти – жена Глитца. Она пухленькая и милая. Любит носить бледно-желтые свитера и золотые украшения. Она позвонила мне чуть ранее со словами: «Как там его величество, в настроении?» Я ответила «да», и Марти быстренько рассказала о вечернем мероприятии, подчеркнув, что Глитцу не отвертеться.

Однако он и бровью не повел.

– На этих вечеринках и слова не разобрать.

– Может, пора приобрести слуховой аппарат?

– Ох, и ты туда же? Мне вторая жена не нужна.

– У моего папы такой есть. – Я умалчиваю, что отец этот аппарат никогда не носит.

– Что? – криво усмехается Глитц. Я снимаю свою куртку со спинки стула, и тут меня слегка качает. – Позвони Марти и скажи, что меня ограбили на улице.

– Нет. Сами звоните и говорите, что вас ограбили.

– Не могу. Эти негодяи отобрали у меня телефон.

Смеюсь.

– Я отдам тебе картину Ламонта, которую ты так любишь, – торгуется Глитц.

– А-а, заманчиво... – Я присаживаюсь. Кружится голова.

– Ребекка? С тобой точно все в порядке?

– Нет. – Тру глаза. – Наверное, надо пойти домой, прилечь.

– Я вызову такси.

Я пытаюсь встать, но снова теряю равновесие и хватаюсь за край стола.

– Ребекка!

Перед глазами снуют, как головастики, черные точки.

– Сядь, сейчас же!

– Странное чувство... сейчас в обморок упаду...

Он миглом оказывается рядом, пробует лоб рукой. По мне градом катится пот. Глитц вдруг рывком опускает мою голову вниз, между колен. Я отзываюсь стоном. Мне плохо.

– Не помогает? – Теперь Глитц хватает меня под руки и тянет вниз.

– Что вы делаете? – возмущаюсь я, падая на пол.

– Особое положение. Поднимай ноги!

Как только я их поднимаю, Глитц подскакивает со словами, что сейчас принесет воды.

– Мне дурно... – бормочу я. Перед глазами туман.

– Держись, – настаивает Глитц.

Вернулся ли он, я уже не помню.

Окончательно пришла в себя я только в больнице. Молодая темноволосая девушка-врач, на вид в два раза меня младше, измеряет мое давление. Нас скрывает задернутая желтая штора в цветочек.

Смущенный Глитц сидит у моей кровати на пластиковом стуле, рядом с держателем бумажных полотенец. В такси по дороге сюда он рассказал, что я пробыла без сознания по меньшей мере минуту, и мне немедленно нужен врач. По-моему, Глитц слишком драматизирует, но он и слушать ничего не желал, даже когда мне более-менее полегчало.

– Я обещал Марти за тобой присмотреть. Она говорила, что тебе не стоит так скоро возвращаться к работе.

– А может, вы просто хитрите, чтобы не пойти на вечеринку?

– Самую малость.

– Давление в норме, – прерывает нашу беседу врач, записывая что-то на листе, прикрепленном к серому планшету.

– Значит, мне можно домой?

Она кивает.

– Да, мы уже вас полностью осмотрели.

– Замечательно. Спасибо.

– И вы, и ребенок в порядке.

– Чудненько. Прекрасно. Пойдите... и кто?

Глитц врезается плечом в держатель полотенец.

– Ребенок в порядке, – повторяет девушка, с любопытством поглядывая на тихонько ругающегося Глитца.

– Я беременна? – Она не знает про Олли. Это невозможно. У меня не может быть

ребенка!

Врач кивает.

– Простите, наверное произошла ошибка.

Да она шутит!.. Однако врач качает головой и поворачивается к Глитцу в надежде увидеть адекватную реакцию. Тот как воды в рот набрал.

– Ну, поздравляю вас... обоих... – произносит она.

Три недели спустя мы с Китти переносим ящики и коробки в арендованный фургон для перевозки мебели.

Доктор предположила, что я беременна уже девять недель.

– *Уезжай из Лондона, Ребекка*, – сказал Глитц, стоя на моей кухне тем же вечером.

Он обвел рукой беспорядок, стопки нераспечатанных писем, забытый на столе вчерашний ужин...

Он прав. Жить здесь слишком больно. Меня повсюду преследует тень Олли, а теперь появилась новая забота – будущий малыш. Только куда мне податься?

– *Ребекка, тебе нужно побыть с семьей. Оставайся там сколько захочешь.*

– *Сейчас мне всего-то нужно выпить чаю*, – покачала я головой.

Глитц выдернул вилку из розетки и внимательно на меня уставился. Утром, перед работой, я гладила платье, но была уверена, что все выключила...

Мы проезжаем мимо здания фирмы «Дейри Крест» на трассе А316. «*Смотри, там на крыше коровки*», – однажды заметил Олли.

Сегодня я не могу поднять на них взгляд, поэтому смотрю на Китти, которая с мрачным видом сидит за рулем, огненно-рыжие волосы собраны в хвост. Когда мы впервые встретились у школьных ворот, меня сразу притянули ее янтарные глаза. Никогда раньше таких не видела. Как и я, Китти выросла в Винчестере. Правда, ее родители много лет назад переехали в Кент, поближе к сыну и внукам.

Я смотрю в окно, понимая, что буду безумно по ней скучать.

– Я буду скучать, – произносит Китти, словно прочитав мои мысли. – Кому же теперь звонить после очередного кошмарного свидания?

– Ты по-прежнему можешь звонить мне.

– Это уже не то... Ох, черт, не хочу, чтобы ты уезжала.

– И я не хочу.

А ведь я никогда не ценила те вечера, когда мы встречались после работы, смотрели фильмы, ели, смеялись и обсуждали всякие веселые происшествия. В пятницу вечером Олли, пара его друзей, Китти и я ходили по клубам. В субботу утром мы неторопливо завтракали. На выходных я часто уговаривала Олли пойти на художественную выставку, а по вечерам он водил меня на концерты. Утро воскресенья мы обычно проводили в постели, но потом все же тащились на долгую прогулку и обедали с друзьями в пабе. Олли обожал традиционное воскресное жаркое.

Жизнь была такой простой...

– Если станет совсем тяжело, я куплю надувной матрас, и ты сможешь жить у меня. Идет?

– Идет, – с улыбкой одобряет идею подруга.

Мне будет не хватать моих друзей, а особенно – Китти и старых университетских товарищей, Сильви и Джейми. Сильви работает в компании, которая занимается креативным маркетингом, и между делом играет с огнем, встречаясь с начальником. Джейми открыл собственный бизнес – его фирма снимает на видео крещения и свадьбы. От него так и веет теплом. Когда он появляется, будто солнышко выходит из-за туч.

Сильви, Джейми и Китти помогли мне освободить квартиру. Я боялась касаться вещей Олли. Бумаги, разбросанные по столу, рукопись книги, наша фотография с корнуоллского пляжа в рамке... все, как он оставил.

Сборами руководила Китти. Она работает на Пикадилли, в консультационной фирме по вопросам карьеры и образования, специализируется на трудных подростках. Однако ее истинные способности – организаторские. Мы с Олли всегда смеялись над тем, как она себя ведет в супермаркете. Не успевали мы еще до него доехать, как она уже прикидывала содержимое рядов с товарами: «Я возьму яйца, хлеб, молоко, ты возьми фрукты, овощи, сыр...»

– Все жду, что она вот-вот достанет секундомер и дунет в свисток, – шутил Олли.

В нашей квартире она принимала твердые решения, но в то же время была чуткой и не торопила меня, особенно когда дело дошло до части шкафа, где лежали вещи Олли.

Каждый раз, открывая ящик или сервант, я тонула в ворохе воспоминаний. Все, чего я касалась, имело свою историю. Радость в глазах Олли, когда я в прошлом году подарила ему винтажный проигрыватель; мы его увидели на ярмарке старья в Брайтоне, а когда он отвернулся, я взяла у продавца визитку. Олли включал пластинки, когда садился за книгу. Больше всего он любил *Make You Feel My Love* Боба Дилана. Олли сыграл ее на пианино во время нашей свадьбы.

Его неизменные старые кроссовки напомнили об отпуске в Испании. За нашим домиком располагались два корта, но во время сборов Олли забыл положить в чемодан кроссовки. И мы, вознамерившись продемонстрировать наши умения (которых не было) другим постояльцам, отправились на поиски местного спортивного магазина, где и купили эту пару.

Пена для бритья в ванной заставила вспомнить, как я его дразнила: «Двадцать первый век на дворе!»

Стол у окна напомнил, как я поздно возвращалась с работы, а Олли все писал книгу, забыв про невымытые после завтрака тарелки и кружки. В плохом настроении я могла с грохотом швырнуть их в раковину и поинтересоваться, когда наконец он свою книгу закончит. В хорошем же я целовала его в щеку и уговаривала дать мне прочесть кусочек. Олли обещал, что обязательно даст – когда закончит. И я прикусывала язык, чтобы не начать расспрашивать, когда же это случится.

В нижнем ящике его стола я, потрясенная, обнаружила пару небольших снимков из фотобудки, где Олли и Джо корчат рожи. А еще старую фотографию – мы втроем на новогодней вечеринке у Китти, лет десять назад. Я посередине, обнимаю их обоих. Может, Олли сохранил снимки в надежде, что когда-нибудь их дружба с Джо воскреснет?..

Потом мы с Китти, Сильви и Джейми гадали, что делать с пианино, однако к тому времени я уже ничего не соображала. Целый день сдерживала слезы, прятала их как могла, а теперь, когда мы закончили, квартира стала такой пустой, что заставила меня с головой окунуться в реальность.

В конце концов пианино решили пожертвовать местному общественному центру. Олли понравилось бы.

Интересно, что бы он сказал обо всем этом. Он часто говорил, что способен пережить Рождество в кругу семьи только при наличии бутылки виски, в компании которой и проведет большую часть времени у себя в комнате.

Я не видела его родителей с похорон. Вспоминаю притихшего Виктора, как он медленно вышел из церкви, как я обнимала Кэролин утром, прежде чем они вернулись в

Нортумберленд. Мы обе словно цеплялись за некую частичку Олли и не желали ее отпускать. Когда я позвонила, чтобы сообщить о беременности, Кэролин долго молчала. Я уж было подумала, что нас рассоединило.

– *У вас с Олли*, – все-таки произнесла она, – *будет ребенок?*

Он будто стал ниточкой, спасительной веткой, за которую можно ухватиться во время бури.

– *Сама поверить не могу, но это правда, Кэролин. У нас будет ребенок.*

Вот и дорожный знак – граница графства Хэмпшир. Я уехала из дома в восемнадцать. Как мне теперь ужиться с мамой и папой под одной крышей? Что я делаю?..

Я не могу больше находиться в старой квартире, но и домой возвращаться не хочу. Да я что, сумасшедшая?! Надо поворачивать обратно. Это дом родителей, их территория, мне там больше нет места...

– Стой.

– А?

– Тормози.

– Не могу!

– Тормози! – взвизгиваю я, заметив заправку.

Китти круто сворачивает с трассы на парковку. Я отстегиваю ремень безопасности, опускаю стекло. Меня тошнит от ощущения, что я отпускаю свою прежнюю жизнь.

Ну и меня на самом деле выворачивает наизнанку.

– Бурная ночь выдалась, а, девчонки? – интересуется проходящий мимо мужчина.

Машина стоит у газона с пожухлой травой. Моросит дождь. Мы молча наблюдаем, как мужчина выгуливает бульдога. Когда тот задирает лапу возле мусорки, мужчина тушит бычок сигареты о траву и тянет пса дальше.

– Как ты? – спрашивает Китти, протягивая мне очередную бутылку воды.

Я плююсь в лобовое стекло.

– Китти, я беременная, дома у меня нет, Олли тоже больше нет... Как я со всем справлюсь?

Она отводит взгляд. Не знает, что ответить.

– Я на самом дне, – повторяю одну из любимых фраз Олли.

Китти наконец поворачивается. На ее губах беспомощная улыбка.

– Значит, любой путь поведет вверх.

И впервые за долгие недели мы смеемся.

Китти поворачивает на Винчестер. Мои родители переехали в район Сент-Кросс, когда мне был год, а мама была беременна Пиппой. Она теперь живет с мужем и близнецами в двадцати минутах от родительского дома. Сент-Кросс – на самом краю города, у заливных лугов, где прогуливался и создавал «Оду к осени» Китс. В Винчестерском соборе похоронена Джейн Остин. Город буквально дышит историей.

Мы с Китти ходили в одну и ту же школу. Вспоминаем, как вместе с Анни, еще одной нашей подругой, выгуливали Берти, мопса директрисы. Смеемся, заговаривая о том, как все втроем были влюблены в голубоглазого блондина Ника Паркера. Он исполнял роль Робина Гуда в школьной пьесе, и я ужасно завидовала Анни. Она была девицей Мариан и могла его поцеловать. А я играла братца Тука. Режиссером стала Китти, которая командовала всем из-

за кулис.

Когда мы сворачиваем к родительскому дому, я вновь начинаю нервничать.

– Просто помни, что это не навсегда, – говорит Китти.

Мама открывает калитку. В бежевых штанах, легкой блузке и перепачканных в земле перчатках она все равно выглядит элегантно. Русые волосы скрыты под косынкой в темно-синий горошек. Одри, миниатюрная жесткошерстная такса, заливается лаем, затем понимает, что это я, и начинает радостно скакать возле моих ног.

– Здравствуй, Одри Хепберн, – улыбаюсь, поглаживая ее.

– Заходи, заходи! – Мама зовет папу. – Потом все разгрузим. Я тебя устрою в твоей старой комнате, хорошо, Ребекка?

Киваю.

– А Китти переночует в спальне Пиппы. Ну, с приездом. Как дорога? – Мама обнимает меня, но не прижимается, словно боится испачкать.

Китти отвечает, что доехали мы хорошо, трасса М3 была совсем пустая. На столике в коридоре мигает красный огонек автоответчика.

– Дорогой, глянь, кто там звонил? – просит мама, когда из гостиной выходит отец, одетый в льняные брюки и шерстяную кофту неожиданного розового цвета.

Седой и растрепанный, он крепко меня обнимает и лишь потом направляется к телефону, бормоча, что совершенно не слышит звонков.

– А все потому, что ты упорно отказываешься носить слуховой аппарат! – восклицает мама. Я вспоминаю про Глитца.

– У вас одно новое сообщение, – оживляется автоответчик.

Мы с Китти проходим на кухню вслед за мамой, которая все жалуется, что мой отец – упрямый старый осел.

– Привет, мам, это я, – раздается голос. Узнаю Пиппу. – Получила твое сообщение. Я попозже зайду, конечно! Понятное дело, ты нервничаешь. Ее приезд – это так тяжело, да.

Я замираю.

Мама оборачивается, сверлит телефон взглядом, словно может заставить Пиппу замолчать. Но та продолжает:

– Я тоже этого боюсь, но помни, что я рядом и, если что, буду вам с папой помогать. Вместе мы справимся. Ну, до скорого. Люблю тебя.

– Кхм... ну что? – Покрасневшая мама сдергивает с рук садовые перчатки. – Выпьем чаю?

За ужином я едва могу связать пару слов. Семга невкусная. Все думаю про то сообщение. Мы с Пиппой никогда не были близки. В детстве я мало с ней общалась, потому что с десяти лет она занималась профессиональным теннисом. На выходных и на летних каникулах мама возила ее по всей стране на соревнования.

– Я такая худая, потому что постоянно ношусь туда-сюда, – говорит Пиппа Китти. – Оскар и Тео – те еще сорванцы!

А папа тоже так считает? Он тоже боится проблем из-за моего приезда?

«Люблю тебя», – сказала Пиппа в конце сообщения, и прозвучало это так легко, как простое «пока». Не помню, когда я в последний раз говорила маме «я тебя люблю». В детстве я это часто повторяла, особенно получая вторую порцию десерта, однако потом перестала. Почему?.. Олли говорил, что думать тут нечего. Мама уделяла больше времени

Пиппе, и мы отдалились.

– Еще вина? – спрашивает отец у Китти.

– Да, пожалуй. Оно восхитительно.

– Чилийское.

– Не корми собаку со стола, Ребекка. – Мама отгоняет Одри к ее корзинке.

Пиппа накрывает бокал ладонью.

– Кстати, о винах. Знаешь, кто вернулся в Винчестер, Бекка? Джо Лоусон.

Я роняю нож.

– Кто?

– Джо Лоусон.

– И что он? – Нервно поигрываю кольцом для салфетки. Помню его с детства, на нем выгравированы мои инициалы.

– Открыл новый винный бар на Площади... ну, не такой уж новый теперь.

Кольцо катится на другой конец стола.

– Тодд на днях водил туда клиентов, был очень даже доволен.

Китти успевает поймать кольцо на самом краю.

– А кто такой Джо Лоусон? – спрашивает мама, убирая мою едва тронутую тарелку.

Почти вижу, как двадцать лет назад мать возвышалась надо мной со словами: «Ешь горох, Ребекка, или никакого мороженого, ясно тебе?»

Отец предлагает выпить по чашечке кофе.

– После полудня принимать кофеин не рекомендуется, – замечает Пиппа и на мгновение становится копией мамы, разве что без серебристых ниточек в светлых волосах.

– Брр! – фыркает папа. – А Джо, часом, не из твоих университетских друзей, Ребекка?

– Гм... – Я кусаю ноготь.

– Оказывается, в этом местечке, «Мезо Джо», можно арендовать подвал, – восторгается

Пиппа. – Тодд хочет отметить там годовщину нашей свадьбы.

За столом воцаряется тишина.

– Простите. – Я со скрипом отодвигаю стул.

– Умница, – уходя, слышу, как Китти упрекает Пиппу.

Китти в полосатой пижаме сидит на краю моей кровати.

– Ты так и не рассказала Олли про Джо, да?

Качаю головой. Внутри просыпается странное, неприятное чувство.

– Встретишься с ним?

– Не знаю. Наверное, надо бы. – Понятия не имею, почему мы шепчемся. Мама с папой этажом ниже. – Интересно, почему он вернулся?

– Тут же вроде его семья жила?

– Да, но он совершенно не ладил с отцом.

– Тебе придется рассказать ему про Олли, – с сочувствием смотрит на меня подруга.

Меня переполняет вина. Китти права. Единственной ясной мыслью в моей голове во время похорон было, что место Джо здесь, среди друзей Олли.

Китти подтягивает колени к груди и обхватывает их руками.

– Вся эта фигня случилась давным-давно.

– Ага, – слабо киваю я.

– Постарайся не волноваться, Бекка. – Китти встает, говоря, что пора ложиться, но перед

тем, как уйти, спрашивает: – Что думаешь насчет завтра?

– Завтра?

– Ты же на УЗИ идешь.

– Никак не привыкну, что внутри меня ребенок, – признаюсь я, и мне стыдно, что совсем забыла про УЗИ. Все кажется нереальным. Я по-прежнему хочу верить, что вот-вот проснусь и увижу Олли рядом. Почувствую его руку на талии, и он меня поцелует, а потом скажет, что я всю ночь болтала во сне, наверное, мне снился кошмар.

Я так ворочаюсь, что едва не бьюсь головой о стенку и не падаю с узкой кровати. Из всех людей, которые могли вдруг оказаться тут, в Винчестере, почему вернулся именно Джо? Как я ему расскажу?.. Боже, Олли, как же я на тебя зла! Это ты всегда мог подобрать правильные слова. По щекам текут слезы. Мне плохо. Я скучаю. Боже, я так по тебе скучаю...

– *Буду дома к половине седьмого, – написал он в последнем сообщении. – Прихватю бутылочку вина по пути. Слушай, нам надо поговорить.*

О квартирах, которые я ему показывала, или его терзала какая-то другая мысль? Знаю, что пообещала Китти забыть про это, но чем больше думаю про странный тон Олли, тем сильнее убеждаюсь, что дело нечисто.

Я делаю глубокий вдох.

Может, мне еще полгода обходить «Мезо Джо» десятой дорогой? Вино мне все равно теперь нельзя, вот и отличный повод. Джо даже не узнает. Сейчас середина июня. Получится ли залечь на дно до тех пор, пока я не рожу под Рождество?

Встаю с постели и иду в ванную в другой конец коридора. Умываюсь холодной водой.

Джо Лоусон. Я не видела его больше десяти лет.

М-да уж, безнадега. И как тут спать?..

Бристольский университет, одиннадцать лет назад

Роняю библиотечные книги на кровать и сбрасываю туфли. Снизу доносится музыка. Похоже на *Oasis*. Кто там застрял в душе? Бросаю взгляд на прикроватную тумбочку – будильник показывает четыре часа дня. Сто процентов, там Джейми, чертов ленивец.

Ложусь на постель, уставшая после вчерашнего. Мы с Олли пошли гулять и перекусить, а в итоге плясали до трех утра в ночном клубе «Лизард лондж».

Мы встречаемся уже почти десять месяцев. Вспоминаю день, когда я села рядом с ним за парту. Я надела мини-юбку и ковбойские сапоги; чистые волосы блестели и струились по плечам. Дело было зимой, во время второго семестра.

– *Видела, как вы вчера играли,* – сказала я, пытаюсь отдышаться после рывка к заветному месту. – *Вы как «Роллинг Стоунс», только круче.*

– *Ребекка, вы хотите с нами чем-то поделиться?* – поинтересовался наш преподаватель, мистер Симпсон.

– *Нет, простите,* – буркнула я.

Но потом заметила, что Олли поглядывает на мои ножки. Все-таки с мини-юбкой я не прогадала, пусть и чуть не отморозила пятую точку. Олли вскинул бровь, а потом что-то нацарапал на листке бумаги и подвинул записку ко мне. «И тебе не холодно? *P.S.* Хочешь выпить вечерком?»

Мое сердце екнуло. Я была готова вставить этот клочок бумаги в рамочку и сохранить навечно.

На первом свидании Олли рассказал, что намерен стать журналистом, поп-звездой, джазовым или классическим пианистом, а может, романистом. Или всем понемногу, рассмеялся он. Я говорила, что не представляю, чем заняться после университета. Надеюсь сообразить в процессе.

Потом Олли проводил меня в общежитие. С ним было так легко, словно мы годами знакомы. Мы поговорили, каково это – впервые уехать из дома. Я рассказывала, что счастлива, что наслаждаюсь свободой и независимостью. Что всегда чувствовала себя белой вороной в семье, где мама и сестра предпочитали спорт, а я была приверженцем искусства. Поделилась воспоминанием, как мама подарила мне на восьмилетие ракетку фирмы «Слезинджер» – в надежде, что я покорю головокругительные высоты Уимблдона.

– *Она записала меня на занятие с клубным тренером, Кенни. Олли, ты бы меня видел... Я не к мячу бежала, а от него.*

Олли улыбнулся, а потом сказал:

– *Мой отец – жуколюб.*

– *Кто?..* — удивленно переспросила я.

– *Жуколюб. Энтомолог. Можешь начинать смеяться.*

– *Прости, я не понимаю, о чем ты.*

– *Стыдоба! Мой отец работает исследователем жуков. Ты разве не знала, что существует миллион с третьей известных науке видов и что насекомые составляют более двух третей всех известных организмов...*

– *Не знала, прости.* – Я шлепнула себя по бедру. – *Ох, и чем я всю жизнь занималась?*

– И они появились на планете около четырехсот миллионов лет назад.

– Ого.

Олли глянул на меня.

– Мой папа ученый, так что с ним не поболтаешь просто так. Он живет в своем крошечном мире. Его не интересует моя музыка, чем я занимаюсь в Бристоле. Только среда обитания долгоносиков. Да вообще, – произнес Олли, словно до него только что дошло, – он, черт возьми, понятия не имеет, кто я такой!

Олли смеялся, но я все равно видела, что такое отношение отца его глубоко ранит. Именно тогда я и почувствовала – между нами что-то произойдет.

– Я так хорошо провел время, – сказал Олли в конце свидания, приблизив свое лицо к моему. – И почему мы раньше не додумались?..

– Ох, и чем ты всю жизнь занимался? – рассмешила я его.

Мы поцеловались у общежития. И этот поцелуй был настолько многообещающим, что перед сном я позвонила Китти со словами, что встретила мужчину своей мечты.

Жить вместе мы с Олли решили на втором курсе. Поэтому мы и трое наших сожителей, Сильви, Джейми и Дэн, нашли домик в районе Клифтон, на площади Виктории, с высокими потолками, дешевыми люстрами, ветхими коврами и единственной, очень сырой ванной. Комнаты мы поделили следующим путем – вытаскивали бумажки из шляпы. Сильви вытянула самую просторную. Она изучает экономику производства. Сильви у нас любит панковский стиль: яркие футболки, узкие джинсы, выкрашенные хной длинные волосы, черная подводка и тяжелые черные ботинки. Вдохновившись ее примером, я покрасилась в черный, но вымыла краску, когда Олли спросил, что я с собой сотворила. Волосы у меня насыщенного каштанового цвета, длинные и густые, а еще от природы вьются.

– Именно на них я и обратил внимание первым делом, Бекка. Ну и на ножки, конечно.

Мне досталась спальня с видом на зеленый парк. Комната Джейми – напротив. В университете он изучает историю. Дэн с нами больше не живет – слинял на прошлой неделе, не заплатив свою долю, и теперь мы в поиске нового соседа.

Ох, и долго кто-то плещется в душе... Иду разведать обстановку. Только собираюсь постучать и поторопить этого «кого-то», как дверь распаивается, и из ванной выходит высокий парень с влажной темной шевелюрой и пушистым розовым полотенцем вокруг бедер.

– Приветик, – говорит он. В серых глазах мелькает улыбка. – Я Джо. Джо Лоусон. Приятно познакомиться. Мне Олли ключи дал.

Приятно познакомиться? Ты вообще кто?

– На тебе мое полотенце, – возмущаюсь я, стараясь не смотреть на его обнаженный торс.

– Ох, прости. – Он тут же стягивает полотенце и протягивает его мне. – Я еще вещи не распаковывал.

Раскрыв рот и сжав в руке злополучное полотенце, наблюдаю, как он уходит. «Великолепное тело», – проносится мысль, прежде чем я, опомнившись, выкрикиваю ему вслед:

– Прости, но ты кто такой?

– Знаешь, Олли, мог бы и предупредить, – говорю я на нашем соседском собрании в местном пабе тем же вечером.

Олли скрещивает руки на груди.

– Ой, ну хватит, Бекка, какая проблема?

– Проблема в том, что мы, – обвожу рукой Сильви и Джейми, – его не знаем! Не стоило ли сперва спросить нас?

– Нам срочно нужен был сосед, – парирует Олли.

– Да, но мы все имеем право высказать мнение.

Я жду поддержки со стороны Сильви, однако она молчит.

– Джо не нравилась его старая берлога, – продолжает Олли, – поэтому я решил оказать нам всем услугу и пригласить его.

– Слушай, Бекка, – вступает в разговор Джейми, – я успел перекинуться парой слов с Джо, и он кажется вполне нормальным.

– Вы в курсе, что он мое полотенце брал?

– О нет! Какой ужас!.. Мне он тоже кажется вполне нормальным, – присоединяется Сильви, а потом уходит к бару со словами, что нам всем надо еще выпить. – И вообще, он горяч! – восклицает она, обернувшись.

– Именно. Вот Сильви не жалуется, – подытоживает Олли. – А ты всем доволен, Джейми?

– Да поздно уже его спрашивать!

Спор уже касается не Джо, а скорее того, что Олли иногда не понимает, почему я злюсь.

– Он так и будет девчонок притягивать, – размышляет Джейми, стараясь разрядить обстановку. Джейми носит очки. Лицо у него круглое, как шар для боулинга, а живот напоминает надувной батут. Да, быть тощим – это не его. Девушки видят в нем плюшевого медвежонка, а не такого мачо, как Джо Лоусон.

– Он в регби играл, вроде за сборную графства, – соглашаясь с Джейми, добавляет Олли.

– Заметно, что парень качается. – Вернулась Сильви с выпивкой. Я хватаю пиво, злая, что остальные так легко повелись. – Ну хватит, Бекка, нам надо платить за дом, и я уверена, что мы с радостью узнаем Джо поближе, – продолжает Сильви, доставая из заднего кармана джинсов мятую пачку «Мальборо».

– Да ты всего-то хочешь к нему в постель попасть. Вот весело будет. Отличная атмосфера в доме.

– Вы с Олли вместе, – она пожимает плечами, – и я не жалуясь.

Черт, а ведь она права. Я откидываюсь на спинку, понимая, что своего не добьюсь. Да и вообще, этот Джо уже въехал; что теперь – выкинуть его чемодан из окна и сменить замки? Ну ладно... может, стоит дать ему шанс.

Мы с Олли возвращаемся домой через площадь.

– Он был голый.

– Бекка, да брось ты это полотенце.

Я смеюсь.

– Вот Джо именно так и сделал. Ты бы видел его мышцы.

– У меня они тоже есть, – сгибает руку Олли.

– Ты их хорошо прячешь... Осторожно, Олли, у тебя появился соперник!

Он хватает меня за руку, разворачивает к себе лицом.

– Бекка, ты права. Я сперва должен был спросить.

– Ой, слушай, я тоже погорячилась. Знаю, что иногда завожусь из-за ерунды.

– Правда? – Он, смеясь, обнимает меня. – Как загладить вину?

– Хм... Дай-ка подумать... Хочу массаж ног и крем-брюле в постель...

– Как насчет пораньше лечь?

Мы целуемся.

– Пожалуй. Мне надо бы выспаться.

Олли вскидывает бровь.

– А кто говорит про сон?

– Еще раз, какой у Джо профиль? – спрашиваю я, пока Олли открывает входную дверь.

– Медицина, – отвечает за него Джо, одетый в джинсы и белую рубашку. – Простите, подслушал... Комната отличная. Спасибо, что пригласил, Олли.

– Без проблем, все норм.

– Ребекка? – Джо упирается ладонью в дверной косяк. Есть в этом парне нечто высокомерное, так и тянет отпустить ему пощечину.

Я снимаю куртку.

– Да?

– Ты не против, что я здесь?

Улыбаюсь как можно шире.

– Никаких проблем.

– Здорово.

– Собрался в какое-нибудь клевое местечко? – спрашивает Олли, словно обеспокоенный папаша.

– Погуляю, – следует туманный ответ. – Встречусь с парой друзей. Увидимся завтра... если вы оба, конечно, не захотите присоединиться.

– Нет, спасибо, – произношу я прежде, чем успеваю заметить сомнение в глазах Олли.

– А где Олли? – интересуется Сильви, заходя на кухню, где я в одиночестве гадаю, что же случилось с планами лечь пораньше и сделать мне массаж ног.

– Ушел. С нашим новым соседом.

– Так что, теперь тебя не возмущает его присутствие? – удивляется она.

– Да, нормально. – Я потягиваюсь. – Ладно, спать пора.

– Бекка? Что случилось? – Подруга все же замечает мое недовольство.

– Ничего.

– Бекка?

– Просто Олли...

– А что с ним?

– Ты заметила, что он, в общем-то, почти все время делает именно то, что ему заблагорассудится?

– Ага! – смеется Сильви. – А ты нет? Думаю, это потому, что он милый, забавный и играет в группе. Вот и уверен, что ему такое право даровано свыше или как-то так, и это правда. – Она открывает один из шкафчиков над раковиной, достает буханку нарезанного хлеба. – Тостик?

Качаю головой.

– Олли иногда поступает не думая, вот и все. Как большинство парней... по крайней мере, тех, с которыми я встречалась. Прости, что промолчала тогда, ну, про Джо. Был бы он прыщавым гиком или ботаном в огромных очках...

– То ты бы меня поддержала, да. У него действительно отличное тело, – признаю я с улыбкой.

Сильви отодвигает стул.

– Именно. Не каждый день в нашу жизнь входит такой лакомый кусочек. Дэн-то был не шедевр, да и еще у меня чипсы таскал.

Смеясь, рассказываю, что он тырил у меня «сникерсы».

– Олли тебя любит, ты же знаешь.

– Наверное.

– Никаких «наверное».

– Спасибо, Сильви.

Целую ее на ночь, а потом иду наверх. Прохожу мимо бывшей спальни Дэна. Дверь закрыта. На мгновение меня охватывает соблазн ее открыть, посмотреть, как выглядит комната. Почему у меня зарождается смутное подозрение, что приезд Джо вот-вот перевернет жизнь в нашем доме с ног на голову?..

Светит солнце. Чудный теплый летний денек, но я уже скучаю по Китти.

– В Лондоне, Бекка, ничего не меняется, – заверяла она, пока мы со слезами на глазах прощались. – Когда ты вернешься, я все еще буду жить около Эрлс-Корт и рассказывать проблемным подросткам, что им делать дальше, хотя сама понятия не имею, что делать мне. Джейми точно так же будет встречаться со своей ужасной Амандой, а Сильви по-прежнему будет спать с начальником... или уже нет... В общем, она у нас единственный слегка непредсказуемый элемент, но можешь быть уверена – я все еще буду ходить на кошмарные свиданки.

Китти рассказала мне о последней, с Ричардом, которого мы кратко называли Дики. Мало того что у него было три волосины, так последней каплей стали его слова о том, что лучшим фильмом всех времен и народов он считает «Сестричка, действуй».

– Все у тебя будет в порядке, правда, – сказала Китти, обнимая меня.

– Спасибо, — прижала я ее к себе, – огромное спасибо.

Мама записала меня на УЗИ в родильном отделении местной больницы на полдень. А я даже не могу взяться за разборку вещей. Так и смотрю на все коробки и чемоданы. Это странно – снова вернуться в старую комнату. Напротив меня на стене висит рисунок в рамке – холм Святой Екатерины, который я нарисовала в восьмилетнем возрасте. Словно наяву вижу свой мольберт возле коробки с карнавальными костюмами и как я в красной кофточке смешиваю акриловые краски. Касаюсь шкафа и представляю, что в нем до сих пор висит лаймовое с красным платье в стиле «фламенко». В этом платье я поцеловалась со своим первым парнем, Хавьером, на празднике в честь десятилетия Китти. Хавьер был испанцем и не видел на один глаз – еще маленьким въехал на велосипеде в куст с шипами. Пиппа говорила, что он не считается за парня, потому что не может меня рассмотреть.

Раньше на стенах были пастельные обои «Лаура Эшли». Я выбрала те, что со светлыми бутонами роз и каймой в тон, однако сейчас стены выкрашены светло-зеленым, а односпальную кровать украшает вышитое стеганое одеяло. На тумбочке – гляцевые журналы про сельскую жизнь и садоводство и бутылочка минеральной воды. Как будто в комнате для гостей.

Я вдруг понимаю, что направляюсь в спальню Пиппы, где вчера ночевала Китти. Когда мы с Олли на редких выходных выбирались к моим родителям, то тоже располагались там, ведь у Пиппы достаточно места для двуспальной кровати. А еще у Пиппы стоит раковина – изначально ее комната была кухней. Я завидовала каждый раз, как слышала, что сестра чистит зубы, а потом сразу прыгает в постель. Мне же приходилось тащиться в другой конец коридора, в холодную ванную, где тусовались длинноногие пауки. Возвращаясь обратно, я мельком видела блестящие медали и кубки сестры, стоящие на книжной полке рядом с кроватью, и плакаты с Андре Агасси^[1] на стене. Пиппе и правда надо больше места, рассуждала я. Когда я однажды осмелилась пожаловаться, что моя комната меньше, мама начала спорить: мол, зато у меня окно выходит на сад (у Пиппы – на шумную магистраль), а еще вдалеке видно прекрасный холм Святой Екатерины. Я выглянула в окно и решила, что вид и правда особенный. Думаю, именно это и вдохновило меня рисовать пейзажи. На самом деле на тесноту мне было плевать, а вот раковина...

Начинаю распаковывать чемоданы и коробки, но так и не касаюсь единственной коробки. Там внутри – те вещи, которые я складывала отдельно, пока мы освобождали квартиру. Те, что я хотела держать рядом. Рукопись Олли. «Осталось написать краткое содержание, проработать кульминацию и решить, кому отправить текст», – воодушевленно сказал он, когда я спросила (в хорошем настроении), как у него дела.

Я не готова прочесть эту рукопись, но однажды обязательно за нее возьмусь. Еще оставила темно-синий джемпер, который он всегда носил дома, программку службы с речью Саймона, что мне распечатали, диск Шуберта, подборку фотографий, включая мой любимый свадебный снимок в антикварной серебряной рамке – на нем мы танцуем. Я заталкиваю коробку под кровать и ставлю на тумбочку другую фотографию, где мы во Флоренции, во время медового месяца.

Когда мы с мамой входим в клинику, оттуда как раз выходит пара. Держатся за руки. Представляю, как они возвращаются домой и прикрепляют снимок к холодильнику. Слышу, что они обсуждают, стоит ли в следующий раз узнать пол ребенка.

– О, нас! – восклицает пара, сидящая рядом с нами, когда приглашают следующего.

Бросаю взгляд на маму. Она надела модное платье в красный горошек и кожаный пояс с застежкой из двух маленьких сов. Могу поклясться, что этот пояс у нее с моего рождения. Напротив усаживается запыхавшийся молодой человек. Он снимает солнцезащитные очки и сообщает жене или девушке, что оплатил парковку на пару часов.

Здесь должен был быть Олли.

Я зажмуриваюсь и словно наяву вижу нас с ним на отдыхе в Испании, два года назад. Мы загораем на песчаном пляже, глядим, как детишки в полосатых купальниках и шортах цепляются за руки отцов. На мне бирюзовый бикини; на Олли – плавки с тропическим рисунком. Рядом с нами на покрывале в красно-белую клетку сидят отец и сын, вокруг них разложены остатки пикника. Мальчику, наверное, лет пять. У него пухленькие щечки и ослепительно-светлые волосы, как у отца.

– Папочка, – спрашивает он, выстраивая замок из песка, – а сколько в море волн?

Отец садится прямо, смотрит на океан.

– В нем бесконечно много волн, – отвечает он, – и так будет всегда, Фредди, даже когда нас уже давным-давно не станет.

Мы с Олли глазеем на отца, а потом поворачиваемся друг к другу. Я знаю, что мы думаем об одном и том же.

– Я хотел бы однажды завести семью, – говорит он, откладывая газету.

– И я, – укладываю руку Олли себе на талию.

– Я хотел бы мальчика.

– Я хотела бы девочку.

– Тогда нам лучше завести двоих или троих детишек.

– Ну... – перекатываюсь на живот и вручаю Олли тюбик крема для загара. – Тогда скоро пора начинать.

– Хм, – смеется Олли и, расстегнув мой купальник, принимается втирать крем в спину. – Что мы здесь делаем, а? – шепчет он мне на ушко. – Почему бы нам не... ты поняла...

Вскоре мы, похватав книжки и полотенца, бежим по пляжу к нашему домику.

Слышу имя. Но вызывают не меня.

Мама ерзает. Явно хочет что-то сказать.

– Ребекка, насчет вчерашнего сообщения Пиппы...

– Все нормально. – Я тянусь к столику за потрепанным номером журнала «Отдохни».

– Дело в том, что... – Мама делает глубокий вдох. – Будет сложно, и мы с твоим отцом, ну, мы действительно переживаем, ведь мы стареем, и...

– Мам, все нормально, я понимаю. Спасибо, что вообще меня приняли.

Мамин телефон вибрирует. Тодд купил ей «Блэкберри». Срочная эсэмэска от Пиппы о том, что случилась трагедия: протекла стиральная машина, может ли мама забрать детей из сада?

– У нас мобильные телефоны запрещены, – с каменным лицом сообщает женщина из регистратуры.

Мама шепчет, что выйдет на улицу. Позвонит Пиппе, просто скажет, где находится.

– Я на минутку, – заверяет она.

Я ложусь на кушетку. Мне очень хочется в туалет.

– Вы сегодня одни? – интересуется медсестра, представившаяся Сандрой.

На вид она примерно моего возраста. Темные волосы собраны в практичный хвостик. Аккуратную талию стягивает эластичный пояс.

– Вот что замечательно в нынешних технологиях, – продолжает Сандра, подготавливая инструменты. – Вы получите снимок, так что сможете показать ему потом. Так, – смазывает она мой живот гелем, – может быть немного холодно.

Если бы Олли был здесь, я рассказывала бы ему, как холодно. Аж до костей продирает. Но его здесь нет.

– Процедура всегда заставляет понервничать, – говорит Сандра, чувствуя мой страх. – Одновременно и захватывающе, и волнительно. Естественно.

Сжимаю кулаки, чтобы сдержать слезы.

– Теперь можно посмотреть на экран.

Сандра указывает на нечто крошечное в окружении воронки. Да нет, это не может быть ребенок. Я даже не вижу, что там. Закрываю глаза, не в силах слушать дальше.

Вдруг это девочка? Олли хотел мальчика. Но если родится мальчик, он может быть совершенно не похож на Олли. Что, если так и получится? Я все время буду искать в нем черты Олли, пытаться разглядеть в карих глазах тепло, родинку на левой щеке, что я так любила, улыбку, которая могла растопить самое черствое сердце. Я отдала бы этого ребенка за возможность вернуть прежнюю жизнь. Отдала бы все, чтобы снова увидеть Олли. Знаю, наш брак не был идеальным, но как только кто-то уходит...

Поднимаю взгляд на потолок, начинаю считать на нем точки. Этот ребенок изо дня в день будет напоминать о случившемся. Возможно, я буду на него кричать. Злиться, что он не Олли. Возможно, не смогу о нем заботиться. Любить. Я буду плохой матерью. А как иначе?..

Внутри что-то взрывается. Кто-нибудь, остановите это все! Пожалуйста!

Я закрываю уши ладонями.

Вижу гроб у алтаря.

Слышу слова полицейского.

Мой ребенок – наш – не будет знать собственного отца. Слышу крики. Дверь распаивается. Кто-то хватается мою ладонь, кто-то удерживает мои руки. Кто-то укачивает меня, как дитя.

– Олли! – кричу я.

Открываю глаза и вижу маму, которая отчаянно пытается не заплакать. Она отстраняется, однако по-прежнему сжимает мою ладонь. Стоящий рядом доктор велит мне дышать, дышать глубоко. Только тогда я осознаю – все крики исходят от меня.

– Вот ножки, – говорит Сандра.

Смотрю на экран, где она показывает ручки, шейку, изгиб спины. Странно, теперь мне спокойно. Представляю, как Олли надевает очки, щурится на монитор. Слышу, как он говорит, что ничегошеньки не видит, только пятнышки.

– Смотрите, а вот сердце, – указывает Сандра на экран.

Внутри меня живет крошечный мальчик или девочка с бьющимся сердцем, частичка Олли; сражается за возможность быть желанным и любимым.

– Он идеален, – вздыхаю я.

– О, вы думаете, у вас мальчик? – спрашивает Сандра с мягкой улыбкой.

– Интуиция. – Я со слезами на глазах поворачиваюсь к маме. – Кажется, пора тебе начинать вязать что-нибудь голубенькое.

Начало июля, две недели спустя после УЗИ, я завтракаю с родителями на кухне.

– Ты же наденешь очки, когда сядешь за руль, правда? – обращается к папе мама, оптимистично одетая в одежду для тенниса.

– Ой, не нуди, – отвечает отец, не отрываясь от спортивной странички газеты. Он ярый фанат Уимблдона и просматривает расписание игр.

Сегодня отец едет в Брайтон, на встречу со своим перекупщиком фарфора, мистером Пулленом. Уйдя на пенсию, отец страстно полюбил фарфор девятнадцатого века. Мама как-то поделилась со мной радостью, что коллекционерство его отвлекает от каждодневных вопросов об обеде. На прошлой неделе папа репетировал передо мной речь для «Содружества старших жен». Очевидно, он произвел впечатление, особенно рассказом о раннем Милтоне с поддельными Севрскими метками и круглыми ручками, которые он так обожает. Однако во время презентации разыгралась целая сцена: пожилая леди свалилась со стула. Приехала «Скорая», но, к счастью, все обошлось.

– Наверное, ты ее слишком разволновал, – предположила я, стараясь не рассмеяться. – Одна из твоих чашечек с блюдцами довела ее до восторженного обморока.

После завтрака убираю посуду в посудомойку. Отец отчитывает меня за то, что я туда сунула ножи с деревянными рукоятками.

– Ничего страшного, – возражает мама. – Они уже старые.

– И кофейные кружки туда совать не надо. – Отец выхватывает ее у меня из рук. – Они от этого тускнеют, понимаешь! – взмахивает он кружкой. – И портятся. О, и бога ради, никогда не ставь туда хрусталь!

– О'кей, хорошо, – бормочу я.

Сообщив напоследок, что вернется как раз к матчу Федерера, папа берет пустой потрепанный чемоданчик и в приподнятом настроении уезжает. А мы с мамой, словно два заговорщика, загружаем кружки и ножи обратно.

– А вот насчет хрусталя он прав, – говорит мама. – Свадебный подарок...

Затем она вручает мне список, говоря, что я окажу ей огромную услугу, если сумею купить продукты для ее званого ужина сегодня вечером, куда я тоже, кстати, приглашена. После клиники лед между нами тронулся, однако про Олли мы так и не поговорили. Мама и папа спрашивают, как я себя чувствую, как мне спалось, какие планы на день, но никто не может заставить себя упомянуть его имя. Еще я заметила, как наши с Олли фотографии исчезли или оказались в других местах. Свадебный снимок, где мы режем торт и смеемся, переехал с каминной полки на подоконник и теперь наполовину прячется за шторой. Фото с нашей помолвки, сделанное на «Лондонском глазе»^[2], теперь скрыто за снимком Тодда с близнецами в небольшой лодочке.

– Бекка?

– Да? – отзываюсь я рассеянно.

Мама берет ракетку и жестяную банку со старыми мячиками.

– Мне пора. Занесешь белье в дом, если начнется дождь, ладно?

– Ага, конечно.

Она по-прежнему на меня смотрит.

– Увидимся, – произношу я, наливая очередную чашку чая, а потом сажусь за стол и беру

в руки папину газету.

– Осторожно с кружкой, – замечает мама. – Останутся следы на деревянном столе.

Когда за ней закрывается входная дверь, я с облегчением выдыхаю. Наконец-то я одна, и никто меня не отчитывает. Звонит мобильный. Отвечать не хочется, но это Глитц.

– Ну, пока что никто никого не убил, – сообщаю я, когда он спрашивает, как дела. – Как там с Марти?

– Дело идет к разводу. Из-за нее сработала сигнализация. Знаешь, полиция приехала просто невероятно быстро.

Сходив за покупками в супермаркет «Сэинсбериз», где я в основном пряталась между рядами, чтобы не наткнуться на родительских знакомых, я иду в сторону «Мезо Джо». Он располагается на площади, неподалеку от собора. Встречусь с Джо сегодня, покончу с этой необходимостью. Он имеет право знать про Олли.

Я не видела его больше десяти лет. Почему он уехал из Бристоля и ничего не сказал? «Друзья так просто не исчезают, – с болью поделился со мной Олли. – Наверняка что-то случилось».

Почему Джо вернулся сюда? Как он теперь выглядит? Представляю его густые темные волосы, цепляющие серые глаза. Олли был спокойным и разговорчивым; Джо заговаривал только тогда, когда считал нужным, и мог заткнуть одним лишь взглядом. Улыбался он редко, зато тогда выражение его лица менялось настолько, что всех будто озаряло светом.

Чем ближе Площадь, тем становится страшнее. Лет пять назад Джо позвонил. Мне было двадцать шесть, я работала на дому иллюстратором. Как раз выбежала в магазин за молоком, а когда вернулась, увидела красный огонек автоответчика. Сообщение Джо записал странное. Говорил, что нашел нас, оставил несколько своих номеров. Он работал в Лондоне в каком-то винном магазине. Я очень сильно удивилась – и удалила сообщение. Решение далось мне нелегко. Я весь день думала, но в конце концов поступила как трусиха. Боялась, что Джо вернется в нашу жизнь, что это будет напоминать мне о прошлом. Чувствовала себя ужасно виноватой, что не рассказала Олли про звонок Джо, но мы только год как поженились и жили счастливо; я эгоистично хотела избавиться от малейших угроз этому счастью.

У перекрестка Баттер-Кросс вижу группу разодетых в шорты и сарафаны туристов, которые фотографируют все вокруг.

– Был возведен в пятнадцатом веке... – вещает пухлая и кудрявая женщина-экскурсовод. – Как видите, он установлен на постаменте, состоящем из пяти восьмиугольных ступеней...

Чем ближе «Мезо Джо», тем сильнее мне хочется убежать прочь, однако что-то побуждает двигаться вперед.

Часть улицы у банка «Ллойдс» отгорожена.

– Выше нос, милая! Может, все и обойдется! – машет мне одетый в ярко-желтый жилет и такую же каску строитель, перекрикивая шум, а потом подмигивает.

«А может, и нет, – произносит голос в моей голове, ясный как божий день. – Может, я только что свалился в выгребную яму или обнаружил, что застрял рядом с тобой во время двадцатичетырехчасового перелета, недоумок».

Я замираю как вкопанная. Из всех моих знакомых только Олли использовал слово «недоумок». Осторожно свернув за угол, я прохожу мимо парня с дворнягой, которые расположились у булочной. Прибавляю шаг.

«Поговори с ним, Бекка. Он же не прокаженный. Бедняга умирает от голода».

Мимо меня спешат люди. Конечно, мне все это кажется. Господи, ну я и дура.

«Ничего тебе не кажется. Иди и поговори с ним», – настаивает знакомый голос.

Я мешкаю, проверяю в сумочке кошелек. Нервно оглядываюсь.

Бездомный парень сидит на спальном мешке. Грязные волосы, небритое лицо, развязанные шнурки...

«Он нормальный, Бекка, ему просто нужна ванна, – продолжает голос, – хорошенько отмыться».

Олли действительно так сказал бы. Мне страшно. Я схожу с ума. Так и стою, оцепеневшая, посреди тротуара, мешаю прохожим.

Невозможно. Это не Олли.

И вдруг я понимаю, что иду обратно к бродяге с собакой. Опасливо на него поглядываю. Под грязью скрывается красивый голубоглазый парень, наверное, ровесник.

– Все норм? – говорит он. – Доброго дня.

Денег не просит.

Я интересуюсь, как зовут собаку. Парень поднимает на меня потеплевший взгляд.

– Нудл. Его можно погладить. Он не кусается.

Я глажу Нудла. Не знаю, что еще сказать.

– Вы голодны?

– Убил бы за бифштекс.

Смотрю на него, отчаянно желая узнать, как он оказался на улице. Говорю, что сейчас вернусь.

– Вот, – протягиваю ему пару корнуоллских пирогов с мясом, которые купила в булочной. – Не бифштекс, конечно, но я попросила девушку их подогреть.

Парень с благодарностью принимает угощение и первым делом дает кусочек Нудлу. Сдачу с пятифунтовой банкноты я кладу в его пластиковый стаканчик.

– Он сказал, что вы ангел, мировая девчонка.

Наверное, мне послышалось.

– Простите? Кто сказал?

– Как грубо, я же не представился. Джеймс. Вы можете звать меня Джим, – добавляет он, словно это огромный комплимент. – Не бойтесь. Вы недавно кого-то потеряли, так?

Взгляд Джима меня пугает.

– Откуда вы з-наете? – заикаюсь я.

– Потому что он сидит рядом со мной.

– Он хочет с вами поговорить, – произносит Джим, когда я возвращаюсь.

Я минут пять бродила туда-сюда по главной улице и уговаривала себя убраться подальше. Да я же первая доказываю, что призраков не бывает. И ангелов-хранителей тоже. Конечно, приятнее думать, что за нами кто-то приглядывает, но это неправда. Бред. И все же... вот она я, топчусь на месте.

– Он спрашивает, почему вы не верите, что он здесь.

Это странно. Уходи, Бекка.

– Потому что он умер! Он мертв...

Парня эта «мелочь» будто бы и не волнует.

– Он в порядке. С ним все хорошо. Он скучает.

Я заливаюсь слезами.

Присаживаюсь на корточки рядом с Нудлом, а Джим продолжает:

– Он говорит что-то про ребенка. Что извиняется, и что вам необходимо беречь себя...

Вы понимаете, о чем он?

Я кусаю ноготь. В груди гулко колотится сердце. Джим наверняка просто видит, что я беременная.

– Мне пора, – бросаю я, не желая больше слушать.

Парень смотрит на меня с усмешкой.

– Что смешного?

– Олли говорит, что вы всегда кусаете ногти, когда нервничаете.

– Пока.

Собираю пакеты с покупками, твердо намеренная уйти и уже не возвращаться. Это же полное безумие. Я на такое не поведусь. А потом вдруг замираю. Откуда он узнал имя Олли?

– Он просит вас купить себе новое платье или типа того, – крикнул мне Джим. – Не то джинсы скоро лопнут.

Опускаю взгляд. Пуговица вот-вот отлетит.

– Он сказал, что вы мне не поверите, решите, что это все бред.

Губ касается слабая улыбка. Я размашисто шагаю обратно.

– Не надо мне морочить голову.

– Я не морочу, клянусь.

– Все это очень странно.

– Добро пожаловать в мой мир, – улыбается Джим. – Я не просил о способности слышать голоса, никогда не верил в подобную фигню и, если хотите знать правду, вполне бы без этого обошелся. Но такова жизнь. – Он смиренно пожимает плечами, словно судьба ему досталась не из легких. – Никогда не был в этом городе. Нам с Нудлом захотелось сменить обстановку, да, старичок? – Джим вгрызается во второй пирог. – Теперь ясно: вы – причина, по которой я здесь.

– Скажите ему, что я его люблю, – шепчу я. – И скучаю.

– Не-а, никак, – говорит Джим, проглотив кусок.

– Почему? Почему нет?

– Скажите ему сами.

В полушоковом состоянии я тупо гляжу на тарелку с банановым сплитом. Словно зачарованная, оглядываю кафе. Как я сюда попала?.. Не помню, что заказывала этот сплит. Мне же даже бананы не нравятся.

– Простите, – произносит официантка, как только я направляюсь к выходу. – Вы не заплатили.

– Ох, точно. – Иду к кассе и выуживаю мелочь дрожащей рукой. – Извините. Сколько?

– Четыре девяносто пять.

«Обдираловка», – произносит голос у меня в голове.

Только собираюсь уйти, как меня вновь окликает официантка.

– Ваши покупки?.. – Она обводит рукой пакеты возле столика.

Надо вернуться домой, обдумать, что произошло этим утром. Сегодня мне явно нельзя видиться с Джо.

Прохожу мимо булочной. Джима со спальным мешком и Нудлом там уже нет. Исчезли.

Может, я их выдумала? Я схожу с ума?..

На следующий день я, как и советовал Олли, примеряю зеленый сарафан для беременных. С Джо увижусь после.

Вчера, так и не съев банановый сплит, понеслась домой. А там взлетела по лестнице и уселась на кровать с ноутбуком. Я погуглила слово «медиум», просмотрела тонну информации про парапсихологические явления и людей, которые могут общаться и передавать сообщения покойных их живым родственникам. Еще я увидела предупреждения, что в этой сфере есть куча мошенников, поэтому надо быть начеку. Когда мама постучала в дверь, я рывком захлопнула ноут.

– *Все в порядке?* – спросила она.

– *Да, просто чудесно,* – ответила я, раздосадованная, что чуть было не поверила Джиму. Представляю реакцию родителей, расскажи я им про эту загадочную встречу. Мама назвала бы меня сумасшедшей. Впрочем, я сама уже начинаю так думать.

Смотрю на свое отражение в зеркале; колеблюсь, не зная, спросить его или нет... Кусаю губу, грызу ногти.

– Олли, как тебе это платье? – шепчу я.

«Великолепно», – произносит голос в моей голове.

Упираюсь ладонью в стену примерочной, чтобы не упасть.

«Цвет тебе к лицу», – продолжает он.

По спине пробегает холодок. Я оглядываю кабинку, даже под стулом проверяю. Отдергиваю шторку. На меня изумленно смотрит продавщица. Снова задергиваю шторку и глубоко вдыхаю.

– Вам помочь? – спрашивает девушка.

Я зажимаю рот ладонью. Наверное, она меня слышала.

«Милое платье, – говорит снова голос. – Ты красотка».

В исступлении сдергиваю с себя сарафан, а потом натягиваю обратно, не зная, чему верить.

– Сколько он стоит? – спрашиваю я хозяйку магазина. У нее безумно кудрявые светлые волосы, и вообще она кажется знакомой.

– Ребекка?

– Анни?

Мы смеется, словно подтверждая, что узнали друг друга с минут пять назад, но на всякий случай не подавали виду.

– Ребекка Харт! – Она бросается меня обнимать.

Это красавица Анни Стоунер, моя школьная подруга, гений математики и великолепная гимнастка. Она могла пролететь над синими матами, выполнив серию сальто и кувырков, от которых у меня на глаза наворачивались слезы. Анни ушла из нашей школы в тринадцать лет, когда ее отца-военного отправили за границу.

– Твое заведение? – интересуюсь я.

Стильный магазин одежды для беременных, с деревянным полом и белыми полочками, где можно найти туники и футболки любых цветов. Посреди зала стоит витрина островного типа с круглой вазой розовых лилий.

– Ага. Открыла пару лет назад, вот-вот разорюсь. – Анни обводит рукой пустынный магазин. – Ты беременна? Хотя глупый вопрос, – добавляет она, закатив глаза. – На каком месяце?

– Чуть меньше четвертого.

– Первый раз? – Она ныряет в примерочную и возвращается с подушкой. – Попробуй вот с этим. Ну, давай, – подталкивает она меня, заметив сомнения.

Я приподнимаю платье, засовываю под него подушку, а потом поворачиваюсь боком. Напоминает, как я в двенадцать лет запихивала в лифчик носки.

– Поверить не могу, что стану такой огромной, – изучаю я свой профиль.

– О да, и если повезет, получишь прочие бонусы вроде варикоза, – хрипло смеется Анни.

– А у тебя сколько детей?

– Двое. Эми и Белла. Шесть лет и четыре года. Рановато я начала! И о чем только думала! – Она корчит недовольную рожицу. – А ты? Совсем не изменилась!

«Ой, неправда, – произносит голос. – Я видел старые школьные фотки, ты там с двумя косами и похожа на поросенка».

Я вдруг впервые улыбаюсь.

– Бекка?

– Да?

– Ты как, погостить заехала? – спрашивает Анни с блеском в голубых глазах.

– Э-э... долгая история.

Она выжидает, понимая или, по крайней мере, надеясь, что рассказ будет интересный.

В магазин входит молодая женщина в леггинсах, шлепках и цветастой кофте. В руке – стаканчик кофе.

– Слушай, у тебя покупатель, – замечаю я, с облегчением скрываясь в примерочной и роняя подушку.

– Покупатель? Не говори глупостей. Это Люси, она тут работает, – восклицает Анни.

– А, точно!

Задергиваю штору и с трудом пытаюсь влезть обратно в джинсы.

– Найдется время на чашку кофе или быстрый перекус? – спрашивает Анни после того, как я, вся красная, вышла из примерочной и сообщила, что возьму платье. – На площади есть такой замечательный винный бар...

– «Мезо Джо»? – уточняю я.

– Знаешь его?

– Я знаю Джо.

– Счастливица, – впечатляется Анни. – Половина Винчестера мечтает за него замуж выскочить, – доверительно сообщает она. – А я бы с ним горячую ночь провела.

«Ну вот, опять начинается», – сердится голос в моей голове.

– Откуда ты его знаешь? – интересуется Анни.

– По универу... но мы перестали общаться, – добавляю я.

– Почему? В смысле, как же так?! – возмущается Анни, словно я выбросила выигранный лотерейный билетик.

– Знаешь, как бывает...

– Люси, тут глухо как в танке, но если вдруг каким-то чудом будет оживление, позвони мне, я тут же рвану обратно, – говорит Анни, подхватывая сумочку. – Ну что, пойдём?

Мы проходим через площадь, мимо моей любимой старой художественной лавки и пары кафешек, новой парикмахерской и бутика. Еще издали я вижу «Мезо Джо» – красивое здание с тентом глубокого винного цвета. Вдоль тротуара расставлены столики с полосатыми зонтиками – сегодня многие предпочитают перекусить на свежем воздухе.

Анни болтает о пустяках: работа в этой части Винчестера опасна для кредитки, «Кадоган» – лучший магазин мужской и женской одежды, и даже ее муж Риччи не против там одеваться...

– Бекка?

– М-м?

– Отличное местечко, а?

Впереди открывается вид на собор и мощеную аллею, обрамленную липами. Около черных оградок стоят велосипеды.

– Здесь мило, – отзываюсь я, наблюдая, как студенты и туристы отдыхают на залитой солнцем траве.

Мужчина в соломенной шляпе продает мороженое; из городского музея высыпает шумная толпа школьников; мальчишка, смеясь, наклоняется погладить проходящего мимо спаниеля. Особенно меня трогает пожилая парочка на скамейке – они держатся за руки, рядом в коробочках лежит готовый ланч.

Мы входим в винный бар. Там очень просторно, куда больше места, чем я представляла, и есть лестница на подвальный этаж. Что-то теперь у меня поубавилось смелости. Как же рассказать про Олли? Мне следовало пригласить Джо на похороны. Только сейчас я понимаю, что не просто ошиблась. Такое не прощается. Я могу оправдываться неменяемым состоянием, скорбью, однако глубоко внутри знаю правду: я была... да я и сейчас трусиха. Хотела связаться с Джо, но так ничего и не сделала. Что он обо мне подумает? Вдруг возненавидит меня? Что ж, имеет полное право...

Впрочем, Джо нигде не видно. В баре шумно и полно народу. Из кухни доносится звон посуды, жужжит кофейный аппарат. Узнаю играющую музыку – *Volare* группы *Gypsy Kings*. Мы с Олли включали эту песню на отдыхе в Испании, танцевали, смеялись, валяли дурака... Ребекка, не плачь. Ты должна рассказать Джо.

«Расслабься. Глубоко вдохни, – говорит внутренний голос, – а когда увидишь этого гада, влепи ему пощечину».

Мимо проносится молодой официант с тремя полными тарелками.

– Умираю от голода, – жалуется Анни.

А вот я не сумею проглотить ни крошки.

Анни знакомит меня с Эдоардо, который стоит за барной стойкой. Копной темных волнистых волос он напоминает мне певца из программы «Вершина популярности» восьмидесятых годов. А еще он аккуратно заправляет рубашку в узкие штаны. Перед ним на стойке краник с просекко на разлив, деревянные полки за спиной заставлены крепким алкоголем и десертными винами.

– Коктейли делает – закачаешься, – сообщает Анни, усаживаясь на оббитый кожей стул. – Правда, при беременности от этого ни горячо, ни холодно... Эдоардо, а где Джо?

– Внизу, на занятии, – произносит тот с заметным итальянским акцентом, продолжая обслуживать посетителей. – У него дневная дегустация вин из Эльзаса.

– Может, сходишь вниз, поздороваться? – предлагает Анни.

– Потом, наверное.

Хватаю меню и постукиваю им по стойке. Анни замечает мое волнение.

– Ребекка? Ты нервничаешь, что ли?

– Ни капли! – вырывается писк.

Повернувшись на стуле, Анни внимательно изучает мое лицо, заглядывает в глаза.

– Ребекка Харт! Это из-за Джо? Почему вы перестали общаться? Говори правду!

Я делаю вид, что рассматриваю список фирменных блюд на доске.

– Ой, Анни, там все так сложно...

– Он твой бывший? В смысле, если он бывший...

– Нет. Не бывший, то есть...

– ...Господи, тогда, конечно, будет странно, если вы с ним встретитесь! Я вот не поддерживаю связь ни с кем из бывших. Фу!

– Не был он моим парнем, и близко ничего такого. Жили в одном доме во время учебы в универе, и все.

– Ага, а потом что стряслось? Ты сказала, что все сложно.

Я замечаю, что Эдоардо прислушивается, и прошу Анни перебраться за столик. Тогда я смогу рассказать всю историю. Ну, или хотя бы ее часть.

Мы располагаемся в углу ресторанчика, заказываем по куску пирога с беконом и шпинатом, а также по овощному салату.

Во время рассказа про Олли и как я оказалась у родителей Анни не произносит ни звука. Не думаю, что она часто вот так затыкается.

– Жесть, – наконец выдает она, отодвигая тарелку, хотя съела лишь половину порции. – Даже не знаю, что сказать, Бекка. – Она берет меня за руку. – Ты как? Держишься?

– Мне повезло, – отвечаю я, твердо намеренная сдержать слезы. – Родители меня поддерживают, и сестра живет неподалеку, так что хоть поближе познакомлюсь с ее близнецами и...

– Но сама-то ты как? – снова спрашивает Анни, замечая слезы в моих глазах.

Вспоминаю про УЗИ, голос Олли, вчерашний день. Никто мне не поверит.

– Одиноко.

– Познакомились мы в университете. Потом он стал учителем музыки. Он был такой талантливый, легко находил общий язык с детьми.

Я сохранила письма от учеников Олли. Барнаби, лучший из них, который играл на похоронах, нарисовал слоника, а вдоль хобота написал: «Я никогда не *зобуду* Олли. Он был очень *асобенным*».

– Хотя настоящей страстью Олли стало писательство.

– Он что-нибудь издал?

Представляю Олли за его рабочим столом, тихую музыку. Эта рукопись станет прорывом, говорил он. «Ты снова сможешь писать картины, Бекка, и мы съедем из этой конуры. Гарантирую», – уговаривал он меня поверить в него.

– Как раз собирался отправить...

Я замираю, заметив Джо. Он пересекает ресторан, направляясь к бару все той же уверенной походкой.

– Бекка? – окликает меня Анни.

Джо бросает взгляд на наш столик, на меня. Я улыбаюсь, и на мгновение мне кажется, что он узнал меня. Сейчас, вот-вот подойдет... Но его лицо вновь каменеет, и он уходит.

Анни разворачивается, пытаюсь понять, что меня отвлекло.

– Он тебя увидел? – спрашивает она.

Я уверена, что увидел, но Анни возражает: нет, мол, он слишком погружен в свои мысли, и «Давай признаем, Бекка, уж тебя-то он никак не ожидает увидеть здесь спустя десять лет. Он может вообще тебя не узнать».

Но ведь сама Анни меня узнала. За прошедшие десять лет я почти не изменилась. Я все еще пять футов семь дюймов ростом^[3], каштановые волосы остались практически прежними, только стали чуть короче – немного ниже плеч. Кожа светлая, глаза синие, рот широкий, зубы почти ровные, спасибо жестокому ортодонту, даже ямочка на правой щеке до сих пор есть. Раньше их было две, а теперь только одна. Отец говорил, что я пожадничала и мне надо поделиться ямочками с другими красивыми девочками.

Я думаю, Джо все-таки меня увидел. И прошел мимо.

Звонит телефон.

– Прости, Анни, наверное... сестра.

Пиппа интересуется, не смогу ли я вечером посидеть с детьми. Тодд рано прилетает из Нью-Йорка и хочет сводить ее на ужин. Когда я заканчиваю разговор, Анни спрашивает, все ли у меня в порядке:

– Ты волнуешься, как сказать Джо про Олли?

Да. Он меня проигнорировал!

– Я так облажалась...

Нижняя губа начинает дрожать. Я думаю про Джо, про нашу размолвку и как я вела себя по отношению к нему. Про Бристоль, как мы все были юны, как нас всех ждало радужное будущее. Вспоминаю полуночный разговор после новогодней вечеринки у Китти о том, что мы будем делать через десять лет...

– Иногда я дико злюсь на Олли, Анни. Я умоляла его продать этот байк. Почему я его не остановила?..

– Слушай, ты не виновата.

Я обхватываю голову ладонями.

– Мне тридцать один год, а у меня ничего нет. Ни шиша! Не знаю, почему я здесь, что делаю... – Замолкаю, не уверенная, продолжать ли, но внутри что-то срывается. – Чувствую себя бесполезной и в ужасе, что буду с ребенком одна. А еще я злюсь, да я буквально в ярости, что Олли довел меня до этого... Зачем он рисковал? Почему в тот день был таким рассеянным?.. И я скучаю, господи, я так скучаю без него! Все так...

– Чертовски нечестно?

– Чертовски нечестно, – соглашаюсь я с облегчением.

– Ты, наверное, думаешь, что у меня-то жизнь сказочная, – говорит Анни, когда мы обсудили, почему у некоторых людей все получается без сучка без задоринки.

«Как у моей сестры», – заявила я, стараясь не выдать зависть.

– И наверняка ты думаешь, что я любимица судьбы, – продолжает Анни. – Такая красивая и талантливая...

– Ну, так и есть.

Напоминаю, как Анни повезло сыграть девицу Мариан в школьной постановке, потому что именно ей достался поцелуй Ника Паркера, который был Робинотом Гудом.

– А теперь не торопись. Я тебе все по полочкам разложу. Готова? – Анни решительно устраивает локти на столе. – Для начала, я замужем за стоматологом...

Не знаю почему, но мне смешно.

– Ой.

– Именно. В постели он меня спрашивает, использовала ли я зубную нить после того, как почистила зубы. Ничего более увлекательного у нас в постели обычно не происходит. А когда Риччи поиграет в футбол, вонь от его носков, наверное, аж в Австралии можно почуять.

Я улыбаюсь. Почему-то мне не верится, что Анни несчастлива с Риччи, но мне все равно охота послушать дальше.

– Мой прекрасный магазинчик вот-вот вылетит в трубу. Постоянно чувствую себя виноватой, что не провожу достаточно времени с детьми, что я работающая мать, поэтому я, по ходу, и там, и тут облажалась! Иногда мне хочется просто убежать с криками в закат.

– Неплохо, Анни, но со мной ты по-прежнему не сравнишься, – замечаю я.

– У меня даже редко выдается свободная минутка, чтобы расчесаться. И кстати о волосах, мои, наверно, самые капризные в этом чертовом мире, – указывает она на светлые кудри, которые явно живут своей жизнью.

Мы смеемся.

– Все равно не сравнишься, – говорю я уже со слезами на глазах.

– Ладно, хотя бы попыталась, а? – Анни протягивает мне носовой платочек. – Слушай, Бекка, все наладится. Ты справишься, ты... Да, это все ужасно, но надо что-то делать. У тебя ребенок. Ребенок Олли.

Эдоардо с парой официантов протирают столы. После обеденного времени ресторан кажется тихим. Анни пришлось уйти; мы договорились поддерживать связь. Я пролистываю брошюру о вине, бросаю взгляд на фотографию Джо на первой страничке.

– *Он уехал, Бекка, –* сказал Олли, когда вернулся в Бристоль из Флоренции, где три недели пробыл у меня. Я оставила универ и отправилась на год в Италию изучать искусство. – *Я знал, что он переживает, что он боится учиться еще курс, когда мы все уже свалим, но не думал, что он вот так уедет из страны и ничего мне не скажет!* – В его голосе звучала боль. – *У меня нет номера его родителей, а у тебя? Кажется, у него мать болеет... Он тебе не звонил?*

– *Нет,* – ответила я, сбитая с толку. – *Я месяцами с ним не разговаривала.*

Снова разглядываю фотографию. Джо заметно округлился за эти годы. Скулы уже не такие подчеркнутые, да и в темных волосах виднеются седые прядки. А глаза все те же, цвета стали. Читаю брошюру: «После вводного дегустационного курса в «Мезо Джо» вы сможете поразить друзей своими знаниями основных сортов винограда...»

Бросаю взгляд на ступеньки, и стоит мне подумать, что ученики Джо там уже часами упиваются, как эти самые ученики начинают по одному подниматься из подвальчика. Причем некоторые шагают ровнее, чем другие.

Во рту пересыхает.

– Может, еще мятного чаю? – спрашивает Эдоардо, вытирая соседний столик.

Но вот чего я реально хочу, так это чистого джина.

Джо идет к барной стойке. Он явно взволнован, куда-то спешит. Может, он и правда не увидел меня раньше.

– Я пошел, – говорит Джо.

Эдоардо кивает.

– Как ваш отец?

– Не очень. Звонила Мэвис, сказала, что он пытался в гостиной в гольф играть.

«Бекка, подойди, – оживляется голос в моей голове. – Узнай, почему он исчез...»

– Бойтся, что он разобьет окно, – продолжает Джо, подходя к двери.

Давай, Бекка. Шевелись. Все это похоже на страшный аукцион, где я должна делать ставки, а я лишь сжимаю табличку, застыв на месте.

Джо уже у двери. И вряд ли повернется.

– Скоро буду...

«Бекка, заговори уже!» – не унимается голос внутри меня.

– Джо? – зову я за мгновение до стука молоточка.

Сердце колотится как бешеное. Я шагаю к Джо, по-прежнему не уверенная, узнал ли он меня. Машинально поправляю волосы. Наверное, он думает, что я тоже поправились.

– Ребекка?

Джо, не отрываясь, смотрит мне в глаза. Он просто в шоке – или так и не понимает, кто я такая?

– Ты как? – В голосе ни капли теплоты, во взгляде почти нет узнавания.

– В порядке. – Улыбаюсь, стараясь выглядеть увереннее.

Джо поглядывает на часы.

– Тебе пора? – нервно спрашиваю я.

– Две минуты, – предлагает он резким тоном.

Мы возвращаемся к барной стойке. Эдоардо наверняка чувствует напряженную атмосферу, однако не подает виду – напевает что-то под нос, вытирая бокалы.

Две минуты...

– Я обедала с Анни... думаю, ты ее знаешь? Ты проходил мимо, но, наверное, был занят, не увидел меня.

Я говорю все не то, и остается лишь одна минута.

– У тебя здесь очень приятно, – продолжаю, желая провалиться сквозь землю. Схватив винную карту, делаю вид, что читаю, комментируя впечатляющий вид и...

– Вверх ногами держишь.

Краснею и поспешно переворачиваю карту, смеясь над собой.

Господи...

Отмечаю, какой красивый у ресторанчика антураж.

«Антураж? Кто вообще использует слово «антураж»? – возмущается внутренний голос. – Да что с тобой?»

Джо молча на меня смотрит.

– Да уж, не ожидал тебя снова когда-нибудь встретить, – наконец выдает он.

Когда я осмеливаюсь поднять на него взгляд, то вижу давно знакомого Джо, который много лет назад прислонился к двери, когда только переехал в наш дом в Бристол. Вижу нас на кухне, мы смеемся, и он учит меня готовить. Вижу нас в маскарадных костюмах, позже тем вечером: мы сидим на скамейке и болтаем. Вспоминаю выражение глаз Джо, когда я спросила, чего он хочет.

Звонит телефон. Эдоардо говорит, что это Пита, а потом берет тряпочку и возвращается

к столам.

– Скажи ей, что я перезвоню. Мне пора. Рад был повидаться, – произносит Джо так, словно больше дел со мной иметь не желает.

– Джо, погоди, еще секунду, – теперь уже настойчиво прошу его я. – Почему я пришла... Я должна тебе кое-что рассказать. Про Олли.

– Как он? Он здесь?

– Джо, скажи что-нибудь.

Эдоардо сочувственно на нас поглядывает.

– Мне очень жаль, Ребекка. – Джо сжимает руку в кулак. – Он был моим ближайшим другом. И я не смог попроситься.

– Я должна была тебе сказать. Но я ничего не соображала, столько всего надо было сделать для похорон и...

– Ничего, – перебивает он меня. – Мы перестали общаться много лет назад. И виноват в этом я.

– Не только ты.

– Ребекка, я уехал из Бристоля не из-за тебя. – Его голос становится жестче. – Я уехал из города и разорвал связь с Олли, потому что облажался.

Я делаю глоток воды.

– Ага.

– Ты здесь надолго? – интересуется Джо.

Отвечаю, что не знаю. Все сложно.

– Понимаешь, я беременна. Ребенок Олли.

Джо молчит. Затем я говорю, что Олли умер до того, как узнал, что станет отцом...

– Мне очень жаль, Ребекка, – произносит Джо, и его взгляд смягчается, потому что я плачу.

Джо обхватывает голову руками, не зная, что сказать.

– Я хочу написать родителям Олли. У тебя есть адрес? – говорит он мне перед уходом, и я понятия не имею, увижу ли его вновь.

Я еду к Пиппе за рулем маминой машины и отчасти чувствую некое облегчение, что увиделась с Джо, что он теперь знает про Олли. И в то же время мне не по себе от его отстраненности. Впрочем, чего я ожидала после того, что случилось в Бристолле? Не обнимать же он меня должен был броситься?!

Как хорошо, что сестра попросила остаться с детьми, мне как раз надо отвлечься. Пиппа живет примерно в пяти милях от Винчестера, в небольшой деревушке Нортфилдс. Через деревушку пролегает разбитая дорога в форме подковы, которая выходит обратно на трассу. Пиппа замужем за Тоддом – американцем и успешным бизнесменом. Они с Тоддом купили клочок земли с ветхим амбаром, который превратили в большой и красивый дом. Пиппа однажды отчитала Олли за то, что он назвал ее дом «бунгалом». *«В целом, это ведь и есть бунгало»*, – сказал Олли мне тем же вечером.

Пиппа и Тодд познакомились в Лондоне лет девять назад. Сестра тогда как раз вернулась из Америки. Она была отличной теннисисткой, занимала пятьсот сорок пятое место в мировом рейтинге, но все равно не дотягивала до Уимблдона и других турниров Большого шлема. А еще она как-то призналась, что утратила желание побеждать: *«Я устала, Бекка. Я хочу нормальной жизни»*.

Так что наступила пора искать работу. Пиппа стала секретаршей в непритязательном спортивном агентстве, которое порой обращалось к Тодду как к консультанту. Как-то раз он размашисто шагнул в серый и безликий офис Пиппы, они встретились взглядами, и грянул гром. Тодд был на тринадцать лет старше двадцатидвухлетней Пиппы и казался опытным и галантным. А еще он был богат. Каждый день Пиппа купалась в цветах и подарках, однако предложения выйти замуж все не поступало.

– *Ну и чего он ждет?* – как-то спросила она меня.

– *А куда спешить? В наше время люди рано не женятся*, – попыталась утешить я сестру.

– *Вы с Олли почти*, – возразила она, почти подразумевая, что в этой гонке я пока впереди.

Олли сделал предложение в день, когда мне исполнилось двадцать четыре. Он отвел меня в местную закусочную, где знакомый официант сделал шоколадную надпись «Ты выйдешь за меня?» на моей тарелке с пудингом. Идеально. Тодд сделал предложение Пиппе на следующей неделе во время их отдыха на Карибах. Когда они были на пляже, высоко в небе пролетел небольшой самолет с транспарантом «ВЫХОДИ ЗА МЕНЯ!».

– *Всегда знала, что влюблюсь в мужчину значительно старше себя*, – сообщила Пиппа, помахав перед нами изумительным кольцом с бриллиантами и сапфирами. – *Покажи-ка свое, Бекка*.

До сих пор помню, как она покосилась на него и сказала:

– *Ой, ну не прелесть ли!*

Олли так и не простил их за то, что они затмили нашу помолвку.

Став миссис Картер, Пиппа проработала в спортивном агентстве еще пару лет, пока в двадцать шесть не забеременела. После рождения близнецов они переехали в Винчестер, поближе к маме с папой. Пиппе никогда не нравился Лондон, в отличие от меня. У нее не было много друзей, она не тусовалась в пабах и не ходила по ночным клубам, а так как Тодд постоянно уезжал в командировки, ей не хотелось одиноко бродить по улицам с коляской.

Останавливаю машину на покрытой гравием дорожке перед домом, рядом с кабриолетом «БМВ» Тодда. Замечаю, что они огородили часть сада, где теперь батут, детский городок и некое подобие кроличьей клетки.

– Привет! – восклицаю я, войдя в дом через заднюю дверь.

Меня встречает Тодд в костюме с галстуком. Дизайнерские солнцезащитные очки на лбу придерживают блестящие каштановые волосы с серебристой проседью. Зубы белые, как снег.

Тодд провожает меня на кухню – дорогие туфли стучат по плиткам пола – и открывает холодильник высотой с входную дверь, а затем предлагает мне ассортимент напитков, от всевозможных соков до шампанского.

– Или могу приготовить кофе, – указывает Тодд на серебристую кофе-машину на кухонном столе.

Я выбираю воду.

– Лед и лимончик? – Тодд нажимает кнопку, и в стакан, как по волшебству, падают кубики льда.

Интересуюсь его последней командировкой. По правде говоря, я понятия не имею, чем он занимается. Мама с папой тоже, но они считают, что спрашивать уже поздно. Мы все знаем, что он помогает компаниям, поправляет их финансовое положение, однако я не могу представить его повседневную жизнь. «Великая тайна», – иронизировал папа.

– Великолепно, – отвечает Тодд и замолкает. Тайна остается нераскрытой.

– Опа, – усмехается Тодд, когда из коридора доносятся звуки приближающегося землетрясения. – А вот и беда!.. Учти, Ребекка, мы их не пускаем в гостиную, а отбой... – он опускает взгляд на золотые часы, – примерно через двадцать минут.

Пиппа целует меня на прощание, обдав ароматом своих духов с ноткой жимолости. Сестра великолепно выглядит в нежно-розовом вечернем платье. Она вообще невероятно красивая – голубые глаза, пухлые щечки, натуральные светлые волосы и губки бантиком, вылитая мама. Она и ребенком была настоящим ангелочком с белокурыми локонами, я видела на старых фотографиях в семейных альбомах. Я вот больше похожа на отца, с острыми скулами и бледной кожей.

– Повеселитесь там! – восклицаю я.

– Мы не допоздна, – бросает Пиппа через плечо. – Перед сном мальчики могут поиграть еще полчаса...

– Двадцать минут, – поправляет Тодд.

– И я обещала, что они получают фруктовые кебабы из детского сада, – не обращая внимания на мужа, добавляет сестра.

– О'кей!

– Если вдруг что-то случится, звони.

– Ничего у нас не случится, верно? – говорю я, оборачиваясь.

Я ожидала увидеть двух совершенно невинных мальчишек в пушистых тапочках и в пижамках с Суперменом и Спайдерменом. Минуту назад близнецы были у меня за спиной, но...

Оскар успел залезть в гоночную машинку с британским флагом на антенне. Он яростно крутит педали, нарезая круги вокруг кухонного стола, кричит, смеется, гудит клаксоном.

Пухленький Тео вразвалочку пытается его догнать.

– Эй, мальчики, а почему бы нам не съесть эти ваши фруктовые... э-э... кебабы? – предлагаю я, стараясь перекрычать шум.

На меня не обращают ни капли внимания, и я открываю холодильник, чтобы вообще найти эти шуки. Вот же они – тарелка на нижней полке. Нанизанные на палочки кусочки клубники, ананаса и... фу... помидоры черри.

Роняю один на пол, услышав голос у себя в голове: «М-м, вкусняшка! Оставь мне штучку». Я медленно поднимаю кебаб и, оттряхнув, снова кладу на тарелку, сбита с толку.

«Верно-верно. Мальчики не заметят, – продолжает голос. – Чуть-чуть грязи еще никому не повредило, а?»

– Олли? – спрашиваю я. – Это правда ты?

«Ты спросила Джо, почему он перестал мне звонить?» – не унимается голос.

– Нет. Я...

Раздается визг. Я поворачиваюсь. Оскар оставил машинку и скачет вокруг кухонного стола на ярко-голубой резиновой корове. Тео воет, что теперь его очередь, что это его игрушка.

«Бекка, осторожно! Вниз!» – командует голос.

В мою сторону летит игрушечная машинка, а расстроенный Тео вот-вот разревется.

– Так, а ну хватит!

Мальчишкам хоть бы хны, и в этот момент я понимаю, как плохо знаю своих племянников. Когда мы с Олли поженились, мы стали редко ездить к родителям и к Пиппе с мальчиками. Нам и так было хорошо, а еще мне казалось, что Олли там не по себе.

– *Уверен, твоя мама жалеет, что ты не вышла за надежного юриста вроде твоего отца или за еще одного Тодда,* – говорил Олли.

Я просила его не нести чушь, но глубоко внутри тоже это чувствовала. Поэтому выдумывала тысячи отмазок, чтобы не приезжать на выходные, и чаще всего рассказывала, как Олли нужно время на книгу. Думаю, мама считала, что Олли большую часть времени витает в облаках, что это писательство может быть обычным хобби, и ее неодобрение заставляло меня защищать мужа. Теперь я смотрю на мальчиков и понимаю, что совершенно их не знаю. Вот она, цена за отдаление от семьи.

– Так, скоро пора спать, поэтому давайте покушаем, а потом я прочитаю вам сказку, идет? – предлагаю я и опускаюсь на колени, чтобы вручить мальчишкам по кебабу. – Как вкусно выглядит!

Тео сует мне палочку, предлагая попробовать, и помятая клубничка зависает в опасной близости от моих губ.

– Нет-нет, это все вам! Вы их сами в детском саду приготовили, да? Ну не молодцы ли!

– А я еще сделал кушь-кушь, – говорит Тео и вгрызается в клубничку. Кусочек падает на пол.

– Кускус, – хихикаю я, радуясь, как проходит вечер.

Гены все-таки берут свое, у Пиппы и Тодда получились красивые мальчики. У них широкие лбы, как у Тодда, круглые голубые глаза и ангельские локоны. Оскар чуть стройнее, волосы слегка отливают рыжим, почти как мои. Тео – круглолицый, с такой же, как у меня, ямочкой на щеке, но светловолосый, как Пиппа.

– Какую историю хотите послушать?

Оскар задумчиво глядит на свой кебаб. Я не успеваю опомниться, как он замахивается в сторону окна кухни. Шмяк! По стеклу стекают остатки помидора.

– Эй! – Я возмущенно хватаю тряпку. – Зачем ты это сделал?

Шмяк! Под хохот Тео в окно прилетает и клубничка – он решил повторить за братом.

– Хватит! Стоп!

Взрыв хохота! Да им плевать!

Звонит телефон, но на нем столько кнопок, что я боюсь его касаться. Это кабинет Тодда, мобильный Тодда и прочее Тодда.

«Они и дома перезваниваются?» – снова звучит голос у меня в голове.

Наконец я слышу Пиппу на автоответчике.

– Привет, Бекка, надеюсь, все в порядке?

Шмяк.

– Хватит переживать, – слышу бормотание Тодда на фоне, лихорадочно пытаюсь оттереть стекло.

– Кстати, мы оставили тебе в холодильнике еды из «Уэйтроуз», бери, что хочешь, увидимся позже. И я искренне надеюсь, что наши мартышки ведут себя хорошо.

И снова – шмяк.

Тео и Оскар, умытые, наконец лежат по кроватям. Я успела прочесть им историю про синего кенгуру, а еще мы поиграли – мальчишки прятались от меня под одеялами.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Андре Агасси – американский профессиональный теннисист.

«Лондонский глаз» – одно из крупнейших колес обозрения в Европе.

Приблизительно 170 см.